

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ

10-го февраля 1929 г.
П Р А Г А

29

29

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО
ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го лютого 1929 р.
П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. А. Персидсков: Памяти А. М. Каледина.
2. Гнат Макуха: * * Вірш.
3. Ис. Быкадоров: Загадки казака Д. З. С. в Москве Белокаменной.
4. Е. Прокопов: Перед выборами.
5. Юрий Гончаров: * * Стихи.
6. Любовь Самсонова: * * Стихи.
7. Я. Лопух: Козача могила.
8. П. Поляков: Сегодня болен я душой.
9. За кем дальше?
10. Д-р С. Федоров: Гнат Макуха.
11. Шамба Балинов: Мендэ у гарву-та!
12. Санжа Бальков. Думы о путях национ. возрождения калмыцкого народа.
13. О. Долинский: Новая Румыния.
14. А. Стремьяннй: Моторизованные армии.
15. И. М. Евсиков: О сельском хозяйстве Родных Краев.
16. Думы и мысли Казачьи: „По личной инициативе“. В. Елисеев.
17. Международная жизнь: „Перед концом Славянства“.
18. Казачья эмиграция.
19. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Югославия. — А. Г. — Ответ — письмом.
 Белград. — П. С. — Ответ — письмом.
 Далмация. — В. К. — Присланное использовано.
 Подробности письмом. Привет!
 Румыния. — В. Е. — Материал получен. Ответ — письмом.
 Париж. — Н. М. — Исполнено.
 Болгария. — И. М. — К сожалению, материал получен поздно.
 Пожаревац. — И. Г. — Хорошо. Привет!
 София. — П. Н. — Получено.
 Болгария. — А. Ш. — Получено. Спасибо. Журнал посылается.
 Франция. — С. — Получено. Спасибо!
 Париж. — А. Л. — К сожалению, достать то, что просите, совершенно невозможно: за границей таких вещей нет.
 Брно. — В. П. — Получено. Будет помещено в следующем номере.
 Франция. — С. М. — Хорошо — присылайте еще. Привет!

Белград. — Иксу. — С некоторыми поправками подошло бы, но „псевдоним“ решительно не годится.
 Польша. — У. — Едва ли таким путем разрешится вопрос о кубанском гимне. Такие попытки уже были и раньше, но неудачны. Конечно, „Войсковая песня“, начинающаяся соло, и с такими слишком „приуроченными“ к „турецкой стороне“ словами — едва ли станет настоящим гимном. Вероятно найдутся кубанские поэты, которые напишут еще кубанский гимн, и найдутся музыканты, которые положат его на музыку. Гимн не может быть длинен — два, наиболее три четверостишия (8 или 12 строк). И музыка, конечно, должна быть соответствующая; во всяком случае, гимн не должен будет начинаться solo.
 Пока же этого нет, — будем петь то, что имеем. Лучше что-нибудь, чем ничего!
 Либочаны. — С. Д. С. — Спасибо. Будет использовано. Привет!
 Югославия. — Г. М. — Фотографию одержано. Бувайте здорові та кріпкі!
 Злин. — В. О. За материал спасибо — воспользуемся.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ
В. П. Елисеев.
 Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ
П. В. Нос.
 София. Антим I, 75.

В ЮГОСЛАВИИ
Б. А. Кундюков.
 Београд, Кочина ул., 1.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ
Ив. П. Егоров.
 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

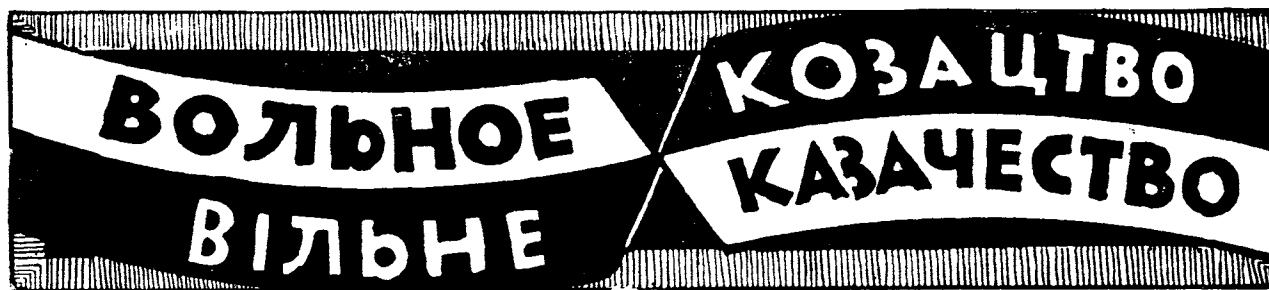
Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией И. А. Билого.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 29

Прага, воскресенье 10-го февраля 1929 г.

№ 29

А. Персидсков.
(Брно)

ПАМЯТИ А. М. КАЛЕДИНА.

Далеко, далеко — средь широкой степи,
Меж курганов, стоящих в раздумьи,
Где летают орлы да дрожат ковыли,
Где поют о прошедшем раздолы;
Где течет богатырь, собирая ясырь,
По станицам теперь невеселым;
Где пасут табуны старики чабаны,
Где все дышет напевом былого, —
Там, по воле отцов, партизан Чернецов
С красной нечистью бился жестоко;
Там страдалец один, Атаман Каледин
Средь могилок грустит одиноко...
Он встает по ночам и к потухшим очам
Руки мертвые тихо подносит...
Слезы льются рекой на мундир дорогой,
Ветер стоны далеко уносит...
Он грустит о сынах, о погибших в снегах
На чужбине далекой, унылой...
И он плачет о нас, своих верных сынах,
Что томимся в неволе постылой...
И он машет рукой с булавой золотой, —
Нас зовет он к забытым могилам...
Ветер треплет степной на главе сединой,
Поет песню казачьим напевом...
А как солнце взойдет, Атаман наш уйдет
В глубь могилы сырой и холодной.
И никто не зовет, и никто не ведет
Нас с чужбины на Дон многоводный...
Предрасветный туман на высокий курган
Вдруг спустился густой пеленою
И Донской Атаман, наш герой — великан
Спит тревожно под хладной землею...
Эх! проснись — пробудись, наш отец-Атаман,
Кликни клич хуторам и станицам!
Ты рассея своей волей холодный туман,
Громко — едут! — скажи молодежи...

Но молчит Атаман, и холодный туман
Уж окутал все Войско Донское.

Гнат Макуха.
(Югославия).

* * *

Недавно ще були сини ми волі,
Про славу старини співали ми пісні,
І на Кубанському широкому роздоллі
Цвіли козацьї лани, як мрії щастя по весні...
Недоля згинула, вернулась доля
І на руках порвались ланцюги,
І кликала свята і ждана воля
На працю Рідному усі плуги.
Не довго се було. Ревли гармати;
Як льви, за волю бились козаки;
Горіли навкруги козацьї хати,
І таяли козацьї полки.
Але ж не кидала нікого ще надія,
І віра в правду день у день росла;
Уже цвіла свята, велика мрія —
На лихо ж, правда не прийшла...
Скінчивсь пожар і гаснуть вже жарини;
Північний вітер попіл розвіва,
І сум пішов з Кубаньської рівнини, —
В гірких сльозах козак сумну співа.
Нехай скінчивсь; хай гаснуть і жарини;
Хай де які часи Кубань сумна, —
Я вірю, що з козацьої країни
„За Рідний!“ поклик знову залуна.
І візьмуть знов пощерблені шабляки,
І закипить за волю боротьба,
Посчезнуть всі наші пекельні муки,
Козак знов вільним встане із раба.
А доти — гріх даремно нам сидіти.
Єднаймося до купи всі, брати!
Настане час, Кубань промове: „Діти!
Та допоможіть... осилать знов кати“!..
Ну, що тоді на се нам одмовляти,
Катами вигнані у чужину?..
Чи чуєте, брати? — покличе мати!..
Так що ж, — оставимо її одну
Знов добувать собі і вам ту волю
Й зривати ланцюги з козацьих рук?..
Єднаймося, брати!.. За нашу ж кращу долю
Вона пила і вип'є келих мук.

Ис. Быкадоров.

Загадки казака Донской Зимовой Станицы в Москве Белокаменной.

(Старобытный сказ).

Необычайная молва разносится по Москве Белокаменной. День ото дня все больше и больше ширится. Передается в народе от одного к другому: и за оградой церковной, среди старух и калик переходящих, и на базаре, и во всех улицах и переулках московских. Проникает и в избу холопью, и в лабаз купецкий, и в царев кабак, и в терем боярский: передают мамушки ввечеру красным девицам весть неслыханную.

В день Водосвятия, после „царского приема к столу“ Донской Зимовой Станицы у государя и царя Михаила Феодоровича, в кулачном бою на Москве-реке, казак той станицы Гудима первого бойца московского, купецкого сына Илюшу Епифанца, сбил.

Всего раз, два и хватил, а за третьим ударом Илюша ровно сноп, повалился: едва люди отходили; чуть не до смерти зашиб тот казак купецкого сына.

Дивится тому народ православный: первым бойцом Илюша не только в Москве, а, почитай, и во всем царстве был. Силищи такой, чаялось, ни в котором государстве боле нет, не бывало, да и впредь ей не бывать; ан вон что вышло, у чужеземного человека, в донском казаке, еще поболее ее объявилось.

Всю ночь после того замоскворецкие купцы Зимовую Станицу в царевом кабаке горячим вином, медами да всякими настоями чествовали. До поздних петухов пили да гуляли замоскворецкие с казаками: рады были, хоть приезжий казак у Московской стороны спесь сбил, будет ей над Замоскворечьем бахвалиться да зубоскальничать.

А сколько всего всякого выпил на том пиру донской казак, Михайло Гаврильич Гудима, все не меньше чем силе его дивились. Всяк сказывал столько, что уже больше того, по его, никто не выпивал да никому и выпить не в мочь.

Малость сгода и новый слух по Москве гулять пошел. Призвал де думный боярин московский, Алексей Семеныч Плещеев, Илюшу, как тот отдышался да отлежался...

А боярин Плещеев на Москве первый: что богатый, что озорник, что „матершинник“, — всем то было ведомо. Он то и сыскал лет с пять назад Илюшу Епифанца и на Москве поселил, а допреж того замоскворецкие на кулачных боях всегда московских одолевали.

Призвал боярин первого бойца московского и говорит ему, ублажает: „Стань, Илюша, супротив вора-казака вдругорядь; сбей, пожалуйста, супостата, во век того тебе не забуду: озолочу всего, илих ошь — владей моим теремом на Неглинной“.

— Не мочно тому быть, боярин Алексей Семеныч, говорит купецкий сын: — „не устоять мне против того казака-вора, вмах бы сбил, невидаль в нем сила какая, да ничего против него, окоянного, Алексей Семеныч, не поделает, потому нечистая сила ему помогает“.

„А как ему нечистая сила вспомоществовать может?“ — вопрошал боярин.

— „Да так, Алексей Семеныч, токмо с третьего удара сбил меня казак-супостат, а против меня ему... да ему и против первого моего не устоять“.

„Ну так что ж е?“ — пытается боярин.

„Так тотож, Алексей Семеныч, что нехватишь его: глаза отводит, потому и бил я впромашку, а он, сатана, прости Господи, по самому, что ни на есть, убойному. Ишь, невидаль какая, за третьим ударом сбить, ты против моего первого устоя, дай только хватить“.

И пошла по Москве из конца в конец новая молва перекачываться: сбил де донской казак первого бойца московского не по честному, а отводом глаз. Да еще, что люди стали сказывать: будучи в турецком полону, казак тот де обасурманился, с нечистой силой спознался и на веки вечные ей свою душу продал.

Дивятся донского бойца на кулачном бою иль после того видавшие — и как им раньше невдомек, не в догадку то было: правда, плечистый, кряжистый казак, жилистый, что говорить, при силе, да где же ему первого бойца московского по честному было одолеть, ежели он против Илюши ровно годовалый бычек против быка старого.

Приходит в пятък на стан Зимовой Станицы боярин Алексей Семеныч Плещеев дворовой человек и говорит казакам: велели де ему бояре сказать, приходила б станица в воскресный день к Спасу Святому силу свою да ухватку по честному показать. Шли бы казаки ничего не опасались, и велели еще бояре сказать, а ежели не придут, то на веки веков донские казаки на Москве „ославятся“.

А атамана Зимовой Станицы Михайлы Дмитриевича Катаржного с есаулом Дмитрием Гавриловым на стане в те поры не оказалось: были они по войсковому делу в посольском приказе.

„Умыслили“ в тот год*) донские казаки город Азов у турского салтана боем взять и атаман с есаулом, по наказу „главного войска“**), ловчились как бы на то дело в Москве пороховой казной: зельем, свинцом и иным прочим побольше издобыться. Не простое то было дело: надо было и ухо остро и язык за зубами держать, чтобы Москва никак про то дело не прознала и всему „умыслу“ Донского Войска не „напакостила“.

Посоветовали промеж себя станичники и препоручили Михайле Гавриловичу речь ответную сказать.

— Безпременно будем у Спаса Святого в воскресный день после обедни, говорит он дворовому человеку: а про иное прочее не чрез тебя, холопа, потому убоишься боярина и переврешь, а самолично на потехе скажем“.

Пришел и воскресный день. Собрались казаки рано по-утру на стан посоветовать, „погугарить“ — чему и как в тот день быть. А атаману с есаулом „не в честь“ было итти на потеху ту боярскую, потому по войсковому делу в Зимовой Станице на Москве они были присланы. Да и не ровня им были бояре, холопы московские, ино дело б было, ежели на потеху сам бы царь Михаил Феодорович пожаловал, в таком разе и атаману с есаулом не зазорно б было на нее пойти.

А станищикам, почему не пойти, силу свою да ухватку не показать, в честном бою с московскими людьми не помериться. Да и „слава“ б по Москве пошла, ежели бы не пришли, наперед того боярам прийти посулившись, беспременно сказали бы: „убоялись“.

Слово, что стрела — спустил с тетевы, не поймашь. На том и порешили атаман с есаулом и казаки, а атаманом на потехе присудили быть не иному кому, а Михайле Гавриловичу Гудиме, ему и речи сказывать.

А до того пошли казаки, потому воскресный день был, своей молитвиннице и заступнице Божией Матери, перед чудотворной Святой ее иконой Донской помолиться, что пращурь донских казаков, донские ж казаки, вел. Кн. Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой на победу и одоление нечестивых агарян, Мамаевы полчища, благословили.

Перед воскресным днем ден с пять на Москве лютые морозы стояли. В ночь с субботы снегу по самое колено навалило. Улицы и переулки ровно беленым полотном устелились, а крыши и тыны поверху точно сметаной намазаны, аж с бочков свисало. Церковные маковки и те заснежились.

Теплынь такая, что и по весне не во всякий день бывает. Народу у Спаса Святого столько, что и в иной

*) В 1672 г.

**) Главного городка Донского — Черкасского, т. е. его Круга.

дванадцятий празник не сберется. Не на молитву, не о грехах своих помолитися да покаїтсѣ, а на потеху народ сходилсѣ, а на нее, на что уже иное, московские всегда охочи.

Про умысел боярский — силу казацкую по настоящему испробовать, — слух по Москве из конца в конец прошел. А как отрезвонили и служба в церквах отошла, — к Спасу Святому по всем улицам и переулкам московским народ так валом и повалил.

На площади базарной против каменных палат боярина Плещеева, на аршин с полтора от земли, был сделан помост бревенчатый, досками вес устланный, а вокруг него для народа от снега место было расчищено. На помосте том — на лавках, разноцветными коврами убранных, сидели, станицу ожидаючи, боярин Плещеев да приспешников его с двадцать.

Народу на потеху страсть сколько привалило. Сгрудился, что запоздалым наперед уж и протолкаться не в мочь. Подошла и станица. Раступается народ, дорогу дает. Глазеют православные, что за люди такие, донские казаки; а супротивника Илюшина „по-обличью“, догадкой, кто и распросом признать стараются.

Статные, здоровые станичники, молодец к молодцу; особо молодых, а престарелых и вовсе не было, возмужалые все, самое в возрасте. Шапки на всех меховые: на ином курпейная, на ином соболя иль боберная, на ком из выдры поречной, иль иная какая. Чекмени иль кафтаны видать по-меху, были и в полушубках нагольных; все кушаками наборными из пряжек чеканных, у иных и с камнями самоцветными припоясаны; у всех при боку сабельки телепаются.

Были казаки в бородах... ну уж бородами своими им до московских не дойти: не так, как у тех, окладистые да длинные, у иного купца иль боярина аж до самого лупа, а так... едва „жерело“ на шею прикрывают... были казаки и по-басурмански обритые. Усы у казаков точно на хвосте развиваются петушии перья.

Остановились станпичники против помоста, собрались друг возле дружки, и, сняв шапки на все стороны поклонились: знай, мол, донским казакам вежество не менее московских ведомо. Поворотился после того к народу Михайла Гаврилович и говорит:

„Звали нас, православные, силу нашу да ухватку казацкую испробовать. Что же, выставляйте первого бойца, я и в другой раз с ним рад удариться. Иль по иному как силу испытать замыслили?“

Осерчал боярин Лексей Семеныч, точно маков цвет зарумянился, как еж напыжился. Осерчал, что казак ему, боярину думному, особой чести не оказал, особо ему в пояс поклона не отвесил. Да и не в обычай было ему, боярину Плещееву, чтобы кто ни на есть непристойность при нем оказывал, задом к нему во время речи своей повертался; особо не по нраву пришлось, что не к нему казак, боярину, а к народу речь держит.

— „Не в воровском, не в казацком стане ты, не у себя в басурманской стороне, а в Москве Белокаменной: свои тут обычаи есть, так ты с своими воровскими повадками в чужой, стало быть, монастырь и не суйся“ — наставительно строго сказывал боярин Плещеев: — „не народ тебя сюда звал, а я со боярами, мне и речь держи, я и силу твою испытывать буду“.

Молвил то Лексей Семеныч и бороду свою поглаживает: вот, мол, как осадил неуча; имел боярин повадку такую: наперед всякому человеку острастку дать.

Страшно было, говорили, которые совсем поблизу стояли, смотреть на казака, как сверкнул он глазами своими на боярина, а они будто как кровью налились; да ровно тучка то пронеслась, мало кто и приметил.

Кончил боярин речь свою, глядят люди, а казак и нечуточки не смутился, приметно едва усмехнулся и говорит в ответ:

— „Не больно ласково ты нас принимаешь. Не сладкими медами нас потчешь. А родимый наш край, землю нашу — Тихий Дон Батюшку, во как честишь. Попотчем и мы тебя своим настоящим казацким, наперед не взыщи, ежели не по нраву да не по вкусу придется: уж обычай таков, что у нас, что у вас: каков привет, таков и ответ“. Так и сказал казак боярину.

— „Не речи твои несуразные собрались мы слушать, а силу твою испытать“, говорит Лексей Се-

ныч: — „покажи ты по честному силу свою, какая в тебе есть; сказывают на Москве: сбил ты первого бойца московского Илюшу Елифанца отводом глаз, потому как был ты в турском полону так и обасурманился и от веры Христовой отступился, в те поры с нечистой силой и спознался. Покажи по честному силу свою, не постою — не малой казной награжу“.

Усмехнулся на то казак, одной рукой о рукоять сабельную оперся, другой покрутив усы, подбоченился:

— „Был ли у тебя разум допреж сего, то не ведомо, а что теперь его нет, знать Господь за окоянство твое у тебя его отнял, весь народ честной и мы видим. Не все в басурманской стороне обасурманиваются, от христианского своего закона отступаются, для того в ней и быть не надобно. И в православной стороне, к примеру сказать, в Москве, есть, которые обокоянились и от веры Христовой, почитай, что отступились. Смекаешь чай о ком речь веду.“

Святейшие патриархи Константинопольский, Антиохийский, Александрийский и другие иерархи и многие священнослужители в басурманской стороне жителство имеют. Так и они, по твоему окоянному разумению, обасурманились и от веры Христовой отступились? И гроб Господень, и град святой Иерусалим и река Иордань святая в той стороне, которой басурмане владеют. Так что же и они по твоему скудоумию, окоянному твоему помышлению, также обасурманены, что тем местам святым и поклоняться уж не подобает?“

А в народе на то говорят друг дружке: — умственный казак: ишь как святое писание разумеет; речь то какова, что не сразу и уразумеешь.

Не в „честь“ была то речь Лексею Семенычу, да ничего не поделаешь, до конца надо было выслушать. Хуже было бы, ежели б перебил: по Москве „слава“ б пошла: — не устоял боярин против речи казака.

Сказывал по началу Михайло Гаврилыч, будто как и не боярину токмо, а потом прямо в упор Лексею Семенычу стал говорить:

„Опознался ты с кем речь ведешь, глядишь да, ровно сова или сыч днем, ничего и не видишь: не подданные мы твои, не слуги, не холопы твои, чтобы награждать али жаловать нас мог. Сам то ты всего на всего холоп того, от кого мы жалованье принимаем, а делаем то своей волею вольною. Не московские мы тебе люди, а донские казаки; люди вольные, ни кому на белом свете не подданные, не подвластные, не присяжные*“. А казну, ежели надобна она нам, и сами умеем ее взять „саблями да головами своими“.

Есть в нашей земле и часовни и храмы Божьи и монастыри**)... Во Иисуса Христа веруем, которые из нас христианского закону, есть у нас — вишь (и Михайла Гаврилыч показал на казака татарина) и Магометова, и тех мы в свою веру насильством, али обманом не склоняем. Случается бывают у нас на Тихом Дону и с польской и с немецкой земли и других сторон люди и всяк Богу верует по своему, в том мы им не препятствуем. Пречистую Деву Марию, Матер Господа Бога нашего чтим, кресту поклоняемся“.

С теми словами снял казак свою шапку соболю, повернулся к Спасу Святому и кресту его, трижды перекрестившись, в пояс поклонился, чтоб поклон боярский с себя снять, у народа знать, сумления б не было, а после такую речь сказал:

„Посты коли блюдем, коли и нет: таков уж талан наш казацкий. Иной раз и в мясоед как приключится в морском, иль сухопутном походе быть, постимся не токо едой, а и водой побольше, чем ты в Великий пост в седмицу страстную. А в походах тех не только зипуны себе добываем, а и вспомошествование великое царству Московскому против турских, ногайских и крымских „ратных людей“ чиним; и народ православный кровью своею из полону вызволяем, и в дома их тех

*) Впервые Дон присягнул Московскому царю в 1673 году, до того был самостоятельным.

**) В XVII ст. в пределах Дона были монастыри: Мигулинский, Медведицкий, Кременской и Н. Чирской (временно, за пределами его на южной окраине Московской были донские монастыри Бошевский (южнее Ворожея) и Чернбев Никольский (близ Шацка).

полоненников попечением своим, не за жалование и не за казну отсылаем, потому не в обычай у нас торговать душами христианскими. как у вас тут, бояр московских.

Молви и ты теперь, добрый молодец, как тебя звать величать, да по истинному, какого ты роду и племени; каковы твои житье и служба, али службишка?

Бровень с снегом побелел боярин Лексей Семеныч, как услышал то, а приспешники ровно сороки застрекотали.

Михайле Гаврилычу на пиру замоскворепкие про боярина Плещеева, покровителя Илюши Елифанца, всю подноготную выложили, все про житье-бытье его поведали: постов боярин не блюл, в седмицу страстную, окоянный скоромным не гребал; жену свою без времени в гроб загнал; опалу свою на него царь давно наложил: в Думу Боярскую его с год как не звали, и дорогу туда забыл; не звал царь к своему столу в день Воздвижения, когда многим опальным боярам он вину их отпустил, а Лексей Семеныч в так знать в опальных и остался.

Да и рода он не боярского и племени не московского, а так середка на половину: пригуляла его матушка боярыня Плещеева в смутные годы, и выродился он у нее, известно не в мужа-отца, а в неведомого молод-

ца. Потому и окладистая борода у него не растет, на щеках ровно плешины: не чистой он породы московской.

Пообождал малость Михайла Гаврилыч, чтоб народ его речь расчухал, али метился, куда б еще без промашки попасть, и говорит:

„А против отвода глаз православных, которые не прогневали до конца Господня Бога окоянным житьем своим, крест святой спасает. Сотвори крестное знамение, перекрестись“ — говорит Михайла Гаврилыч.

Без внимания оставил то боярин Плещеев: загордел, заартачился Лексей Семеныч, станет он, боярин думный, указки казака слушать, крест святой, в роде как на потеху людям, на себя класть.

„Аль не токмо поклониться Спасу Святому, а и крестное знамение сотворить чрево препятствует: ишь как бурдюк твой огвис, ровно от вина, аль чего разбух“ — сказал, усмехаясь Гудима.

Так и закатились, кто речь ту слышал, а задние от передних как услышат, что казак сказал, а те еще и от себя в пояснение такое прибавят, что неудобь и сказать; задние уже в волю хохочут, потому не опасаются на глаза боярину или приспешникам попасться.

(Продолжение следует).

Е. Прокопов.

Перед выборами.

Иван Петрович Подлазин вот уже шестой год ходил в атаманах. По станице чаще и чаще слышались разговоры, что пора бы ему „и честь знать“.

— Слава Тебе Господи, говорили старики, и дом построил и скотинкой обзавелся...

— Ведь заступал в атаманы, продолжали они — всего и было, что пара быков, да конь. Только ведь тем и взял, что начальству был угоден.

— Выходит, что не даром был в конвое...

— Оно, кум, завсегда так, что рука руку моет, добавил кто-то из слушающих; он хоть и не из баров, а все же „они“ его за его „так точно“, „никак нет“ не забывают и за наш счет награждают...

— А теперь посмотри на него, да на его хозяйство — все, брат, пошло в ширь...

— Сам, что боров разелся, да важный стал, а хозяйство, почитай, такого по целой станице не сыщешь. А всего ведь за какие нибудь пять лет.

— Сунька-сь к нему в правление — тебя так облайт, что забудешь зачем пришел, — суший Флейшер.

Тот хоть не из своих, а этот ведь, как не крути, не верти — казак, да еще и станичник; да к тому же сами выбирали, присовокупил кто-то.

— Выбирать-то выбирали, да не мы его утверждали, недовольно ответил старик Савельич.

— Я, господа старики, завсегда был против повторного срока, продолжал Савельич.

— Какой-бы не был человек, — всегда зазнается, вот, думает, я какой — из целой станицы окромя меня никого не могут выбрать, ну и начинает подбирать возжи..., а потом и все прочее...

— Копейка-же она опять-же круглая, — куды склон туды она и котится.

— Знай только направляй по склону, да карманы подставляй.

— Правду говорит Савельич, поддержали его несколько человек из слушающих.

— Все это так, — а вот начни выбирать и опять начнут всякие тебе спицы вставлять из отдела, да подводить к тому кто „им“ там угоден.

— Да, в старину, говорят, иначе было, когда казаки сами себе хозяевами были.

— Я еще мальчишкой был, когда дед покойник, царство ему небесное, рассказывал, — что жили они в ту пору еще на Тереке и никто это к ним в их дела не вмешивался; все это было свое казачье, да любовное.

— Выбирали это они все сами — начиная от са-

мого „Войскового“, ну тогда оно и в станицах, да хуторах иначе все велось.

— А теперь куда ни сунься — всюду это тебе „картузник“, ну разве так для пущего форсу папаху казачью оденет, ну и думает: что его и „нечистый“ не rozpoзнает, что это за птица.

— Эх, хе, хе протянуло уныло несколько стариков.

— И с каждым годом все хуже и хуже — все это они так хитро, да быстро прибирают к рукам, что скоро, кажется, и к собственной жене без „их“ разрешения спать не пойдешь...

— Тебе, кум, все и теперь на старости — жена, да жена, добавил кто-то.

А пораскинешь умом, то и выходит, что может так статься...

Сами-же виноваты, что даем наступать себе на хвост, протянул Савельич.

На минуту наступило молчание, — каждый думал свою невеселую казачью думу.

— Так, кого-же будем выбирать в атаманы, нарушил Савельич молчание.

— Мало, что-ли у нас, кум, хороших людей в станице, заявил один из стариков.

Замойкин, Рябкин — чем не атаманы: хозяйственные, ничего за ними не было плохого, да и так ничего себе — рослые, правда, в Питенбурге не были...

— Мы то знаем кого туды посылают, кто-то вставил в слава говорившего.

— А по моему Чуликин бы куда лучше бы был атаманом; он хотя и неказист собою, а смысленный и честный, а это то и главное.

Никто не сказал — не за ни против последней кандидатуры и старики перешли на другие злободневные темы станицы.

Многих это уже не занимало и стариковский кружок стал быстро таять — разошлись по домам.

Почти каждый день можно было слышать в станице подобные разговоры. Время подходило к воскресенью, когда должны были выбирать атамана.

Фамилии намеченных кандидатов склонялись и передавались из уст в уста.

Кандидаты-же в душе переживали тревожные и в то-же время приятные минуты.

— Вот коли-б выбрали, часто думал Сидор Никитич Замойкин. Было бы недурственно. Я бы не был таким, как Иван Петрович. Все это бы у меня было по божски, да показачьему. Всех это бы я убоготворил и он важно провел по окладистой своей бороде рукою... Смотри на старости лет умер и в ограде похоронили,

да и памятник какой ненасть поставили, так мол и так — здесь покоится успокоитель и слез осушитель бывший атаман С. Замойкин. И у Замойкина от избытка чувств показалась слеза.

Не нужно только теперь себя выдавать, что мол хочется быть атаманом. Спросят, — скажу:

— Что вы, г. старики, куда мне там в атаманы. Что других людей, что-ли, в станице нет? У меня-же хозяйство и своих дел, слава Богу. Ну, конечно, попросят и я соглашусь.

И с такими мыслями ходил он по базу, осматривая навесы.

Нужно, нужно поправлять крыши: там течет, здесь течет; примерно возов пять нужно соломы привезти... И думы его ушли в хозяйственные соображения.

Осмотрев сарай, Сидор Никитич направился в дом. Встретила его жена с таким заговорщицким видом, что сразу было видно, что „особенная“ тайна висела у нее на языке... Не знала она еще, как ее более „удобно“ передать мужу.

— Ты может чего nibуть закусил бы, начала она свою дипломатию.

— Да, нет что-то не хочется, не понимая подхода жены, ответил Сидор Никитич.

— А то я тебе что хотела сказать. И, перейдя на шопот, сообщила ему, что слыхала на улице от баб, что его прочат в атаманы.

Ожидая похвалы, заискивающе посмотрела в глаза мужа.

— Какие мы там атаманы, чуть дрогнувшим от радости голосом сказал Сидор Никитич; но выдержки — хватило и он, делая безразличное выражение лица, сказал:

— А ты небось, так там и расплылась от радости.

— Нет; улыбаясь, ответила жена.

— То-то, смотри и виду не показывай, что тебе это по душе.

Самого-же тянуло к уединению, где бы мог сам с собой поговорить; но не удалось: жена уговорила „закусить“, а там подошли детишки а за ними заглянула одна из близких соседок.

Сидору Никитичу не оставалось нечего другого, как выслушать целый ряд станичных новостей.

Время летело быстро. Наступали сумерки, а за ними шел и вечер.

Пригнали скотину и нужно было итти по хозяйству.

Наступило утро воскресенья.

В церкви зазвонили в большой колокол; первый удар прорезал воздух и повис своим мощнобархатным звуком над станицей; второй, не торопясь, но чувствуя свою силу полетел вдогонку первому, а тот, поддержанный вторым, понесся в даль — к горам. Третий, поглотив в себе два первые, окочательно насытил воздух не сложной, но манящей прелестью своей.

Все засуетилось, все заспешило в станице. Всем хотелось — не пропустить обедни. Со всех концов по улицам станицы, как движущиеся цветы полей тянулись на встречу звукам колокола: васильки и маки — девчата; колокольчики, толкачики — дети; распустившиеся и в бутонах тюльпаны — „женачи“ и парни; и между ними зрелые колосья хлеба — старики. И все на площади сливалось в красивый красками казачий луг...

Несколько уж раз обращалась к Сидору Никитичу его жена, что пора итти, что иж люди давно ушли в церковь.

Не торопился Сидор Никитич.

Жена, не дождавшись, ушла одна, а он все чего то ждал; верилось ему, что прибегут за ним из правления. Каскадом сыпались тревожные мысли в голову Сидора Никитича — и рядом с каждой — назойливая: „неужели провалят?“

От таких дум начинала болеть голова. Не дождавшись гонцов, пошел Сидор Никитич к правлению.

Легкий ветерок раздувал его окладистую бороду на две половины, придавая ему тем патриархальный, солидный вид.

— Куда-то, Сидор Никитич, идете обозвал его один из встречающих.

— Да, говорят сегодня атамана выбирают, отвечает Сидор Никитич, важно разбирая руками на две половины свою окладистую бороду...

— Да уже выбрали Чуликина...

— Да ну! вырвалось у него и рука, невольно сжавшись в кулак, прогулялась в низ по бороде так, что сразу же образовала из нее подобие выжатой мочалки...

Юрий Гончаров.
(Прага).

* * *

Ты не шелести, ночная пустота,
За окном подслушивать перестань мой шепот.
Где-то заблудился я в неведомых местах...
Иль глаза замглила мне труб столичных копоть?..

Что-то мне невесело щуриться в туман,
Голову морочить глупыми печальми —
Будто мозг сжимает мне белесая луна,
Будто сотня лет — повисла за плечами.

Знаю: это только теней смутная игра,
Это только ночи кривое наводненье!
Утром задымится светами гора,
Тихо и покорно встречу снежный день я...

Мой-то взгляд бездонный в сердце бросит пламя,
Тихо и несмело позовет в объятья,
Колесом промчится солнце над полями...
И кого-то горько полюблю опять я...

Любовь Самсонова.
(Прага).

* * *

Сыро, туманно и зябко,
Горбятся узкие плечи...
Хочется света и песен...
Гаснут наплывшие свечи...

Хочется радости, шума,
Хочется пляски и криков...
Хмуро насупились окна
Рядом заплаканных ликов.

Боже! я так одинока,
Так незаметна, забыта,
Узкая тропочка к счастью
Дверью тяжелой закрыта.

Долго стучалась, устала,
Никнут покорные плечи...
Кашель мне грудь разрывает,
Гаснут наплывшие свечи...

Я. Лопух. (Болгария).

Козача могила.

Давно — ще був я хлопчиком маленьким — на толоці Старомишастівської станиці чорніли дві могили. Одна, що була дальше від станиці, могилою „Високою“ називалась, а друга, що поближче, „Козачою“ могилою прозивалась. По-біля них широкий шлях лежав, по котрому гурти скота з Катеринодара у Ростов, а далі до Москви, купець пронирилий ганяв. По тім шляху стовпи поверстні вряд стояли, поштові станції були; кур'єри на тройках скакали, і тихо рухались чумацькі вози.

Весна! С Козачої люблюсь я степним простором. Кругом все ніжно зеленіє, горицвіт по між травами жовтіє і де-не-де і воронець вже червоніє. На небі сонечко сіяє і теплий вітерець тихенько повіває. Кушанки й череди пасуться по траві; а далі в степ, як молоком облиті, цвітуть терни високі та густі. Як скло, вода блищить в топилах; а в небі, в лазурній вишині, летять, курличать журавлі; а там далеко, де небо сходиться з землею, „святий Петро овець ганяє“.*) Козача пісня по степу лунає і, замираючи в далечині своїм широко-жалібним напівом, про волю й славу козаків, про старину наминає. І слухав би ту пісню без кінця, бо пісня та і тихий жаль і радість в серці визиває.

Станиця — як гай той зеленіє, вся купається в садках, тільки де-де стіна, або димарь біліє, блищать хрести і глави на церквах. У край станиці дяка Вихрицького вітряк стоїть, а біля його гній підпалений курить.

В станиці дзвін гуде великий. З'їзжаються на площу козаки, а за ними йдуть дівчата, хлопці, молодіці, старі баби і старики. На площі стіл стоїть накритий, а на столі євангеліє і хрест лежать; кругом стола хоругви, золотом розшиті, старі козаченьки держать (то все дари святому храму служивших раніше козаків, що поприносили з собою з баталіонів і полків).

Старенький піп виходить з церкви і тихим голосом почав напутственный молебін правити на службу йдучим козакам. Стихли всі. Піп Дудик молитви читає, дяки (Вихрицький і Шульга) те, що положено, співають, а Кирніс теж їм підтягає. Святою водою покropивши, Хрестом усіх благословивши, у церкву піп собі пішов; а козаки і з ними вся рідня: і старики, баби, дівчата й парубки, гуртом виходять за станицю і прямо до могили йдуть: і тут уже біля Козачої могили,

*) Так называют на Черномории волнистое движение воздуха в теплый, ясный день.

жінки і матері (нишком і дівчата) прощальні сльози ллють; а старики синів благословляють, на службі щастя їм бажають, та по чарчині випивають, щоб, бачиш, був гладенький путь.

Пора... на коней козаки сідають, з Козачої прощальний погляд станиці посилають і йдуть в далекі краї.

Не рік, не два робилося отак, а років сорок (може й більш) і це тому „Козачою“ прозивалась та могила, а не инш.

Прошло з півсотні літ. Води багато утекло в Кубані; не мало витекло і в Кочатях. Багато де чого старовини не стало, багато й новини явилось в козачих курінях. Там, де шлях лежав широкий — чавунка з посвистом летить, і де були терни високі — пшениця золотом блищить.

Станиця розрослась і вздовш і вишир. Левади панські, що колись далеко за станицею були, уже в станиці стали; гробки старі окаяцією, бузком та вишняком позаростали і теж застроєні планами хазяїнів-козаків молодих, що відділились від батьків і вийшли на простір нове хазяйство будувати.

Гай, гай!.. а де ж Козача славна та могила? Висока мріє за станицею. А де ж Козача ділась?.. Вона уже поміж нових планів, як сиротина та стоїть. Старим козаченькам про молоді літа наминає, а молодим, як наче вже й мішає; бо із за неї прийшлося плани давати не вряд, а виділити куток і для могили. Ну, та нічого. Що ж будеш тут казати? Не можна ж могилу розкопати? Вона ж Козача? Така в старовину була козача вдача: як діло старики рішать, того вже молодим неможна перероблять.

Прийшла весна злочастного вісімнадцятого року. По Кубані той рік веснянок не співали, бо замість співів гармати гули, тріщали кулемети і різали брати один другого „за власть народа трудового“.

Странником убогим скитавсь я по Кубані. Прийшлося в свою станицю завернути (уже в станиці панував товариш — большевик). Аж гульк — Козачу ту могилу розкопує... та хто ж? — москаль-городовик!

В очах у мене потемніло; схилившись на ціпок, поник я головою; від жалю серце защеміло; думки такі пішли, що і згадати їх боюсь, а сльози із очей лились на мій вже білий вус...

П. Поляков. (Белград).

СЕГОДНЯ БОЛЕН Я ДУШОЙ...

Сегодня болен я душой
И песнь пою
... за упокой...
...
Притихла степь... и замер Дон...
Где вождь наш — Каледин?
Ты слышишь?
— погребальный звон!
Ты слышишь?
— застрелился он!..
Остался он — один!
...
Сегодня болен я душой
И песнь пою
... за упокой.
...
Разбит вагон. Толпа молчит,
По рельсам — крови след.

Что Терский Атаман?..
— убит!..
Что Атаман?
— в грязи лежит!
Да. Атамана нет...
...
Сегодня болен я душой
И песнь пою
... за упокой...
...
Две смерти... Вспомню ли других?..
Их тьмы... им счета нет...
За славу прадедов своих,
За степь, позвала Воля их
За вековой Завет...
Нам в прошлом славы не искать,
Да, нет ее — меж нас,
Умеем мы — лишь поминать

Да плакать горько, да вздыхать,
Да спарывать лампас.

Сегодня болен я душой
Но песнь пою

... зову на бой...

Довольно сиднем нам сидеть,
Нам нужно громче песни петь,
Нам нужно вспомнить о былом!
Мы долго спали мертвым сном,
Пора подняться нам.
Пора сказать, что мы сильны,
Что Воле верные сыны
Растут на страх врагам.

С врагами нам не говорить.
Один лишь есть закон —
Тот победит, кто хочет жить,
Кто хочет волю сам добыть,
Кто верую силен...
Гей! Казаки! Я не поэт —
Не надо мне хлопков...
Хочу оставить в сердце след
Напомнить вам — Дедов Завет
О Воле Казаков...
Сегодня радостной душой
Я песнь пою
— зову на бой...

28/І 29.

За кем дальше?

Николай Николаевич скончался. С его смертью последнее звено пут, связывавших в прошлом казаков с домом Романовых, лопнуло. У древних римлян было высоко этическое изречение: „de mortibus-aut bene, aut nihil“ — о мертвых говорят или хорошее, или совсем ничего не говорят. Мы предпочитаем последнее, и не потому, что не могли бы сказать ничего хорошего, но потому, что вспоминать только хорошее, — значит, быть заведомо пристрастным; безпристрастность же и объективность — наше основное правило, которому мы не можем изменить даже и в данном случае.

В первых волнах революции пучина поглотила Императора Николая II. Прошли годы — скончалась вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Теперь смерть унесла и Великого Князя Н. Н. Других Романовых казаки не знали и не знают. Великого Князя — знали. В черкеске, в которой велел себя похоронить Николай Николаевич, есть, пожалуй, нечто знаменательное: других Романовых в черкесках не хоронили.

Годы Великой войны неразрывно связали для истории имя Великого Князя с блестящими воинскими подвигами казачьих частей, с отвагой и удалью казаков. Н. Н. казаки верили в свое время быть может больше, чем самому царю. И нет ничего удивительного в том, что и в эмиграции часть казаков осталась верными своему Верховному Главнокомандующему. Убеждений этих людей мы в корне не разделяли, но мы их понимали. Понимали потому, что мы, казаки, больше чем кто либо другой знали что такое „верность“. А у этих людей была, пусть не здоровая, но благородная верность.

Царствующий дом первый оставил казаков, казаки — последними, вопреки разуму и трезвости, отвернулись от него; казаки последними уходили с фронтов Великой войны; Казачество первое выше всех подняло знамя борьбы против красных насильников, — и опять последними

ушли казаки в изгнание. Теперь последний Романов ушел от тех казаков, кто оставался ему верен. В „неверности“ дальше их никто не сможет обвинить, ибо быть верным больше некому. Старых кумиров уже нет. Россия? — Ее тоже нет. Русская эмиграция? Казаки, те, что шли за Николай Николаевичем, считали себя ее частью. Ориентироваться в дальнейшем на нее, значило бы ориентироваться тем самым „и“ на самих себя. А отбросить это „и“, останется „ориентироваться на самих себя“, т. е., основное положение Вольного Казачества! Это та логика исторического хода вещей, которая всегда стояла за нами, и теперь лишь стала более ясной.

Идея „верности“ делала для многих ненужным тот процесс, в котором выросло Вольное Казачество: переоценку ценностей. Теперь и они волей — неволей должны ее сделать, ибо вопрос: „за кем дальше?“ встал сам собой. У нас он встал давно. У них встал теперь. Мы переоценку ценностей уже сделали и на вопрос ответили: сами за собой. Мы имели смелость сказать себе, что за другими нам ходить нечего, что мы и сами найдем себе дорогу, что мы, казаки, друг к другу ближе, чем к любой эмигрантской, хотя бы и русской группировке, что нам нечего выбирать между чужими программами, что мы и сами составим свою. И составили.

Крупная фигура популярного Верховного Главнокомандующего сама по себе указывала дорогу некоторым казакам — „за Ним!“ Теперь его нет. И нет никого, за кем бы можно было им идти привычным шагом, „не рассуждая“. Вопрос „за кем теперь, за кем дальше“ встал, и рассуждать теперь нужно.

„Преемственности“ нет. Это — очевидный факт. Смерть ген. Врангеля положила конец преемственности командованием белой армией; смерть Николай Николаевича — конец преемственности в русской армии вообще. Желających использовать Казачество для своих личных це-

лей будет теперь много. Да только казаков, желающих быть послушным орудием в руках других, или просто пушечным мясом, — теперь уже много не будет. К казакам все любезные „возглавители“ требования предъявляют немалые, а что дают в замен? — Ничего, ибо ни одна общерусская эмигрантская группировка не только не имеет специальной программы по казачьему вопросу, но и вообще никакого „казачьего вопроса“ в большинстве случаев и знать не желает. Одни так прямо и говорят, — цинично, но за то откровенно. Другие — просто умалчи-

вают. Третьи — убаюкивают чем то чрезвычайно хитрым, вуально-нежными обещаниями.

Такие бледные надписи стоят на путях, что предстали перед казаками, шедшими до сего за Николаем Николаевичем. И пусть знают эти казаки, что пути эти до добра не доведут: по одному пойдешь — ни сам жив не останешься, ни другому жизнь не сохранишь; по другой дороге отпавишься — иным поможешь, да сам с жизнью распрощаешься. А мы им скажем: пришла пора самим о себе думать, по своему пути идти, да под свои казачьи знамена собираться.

А. М. КАЛЕДИН. Первый выборный Донской В. Атаман.
(К годовщине смерти).

Д-р С. Федоров.

Гнат Макуха.

(З нагоди 30-ти ліття творчої діяльності).

28-го січня (января) 1899 року на Кубані вперше одверто заговорила до козацького серця муза Гната Савича Шевеля.

В цей день вперше було видруковано його вірш „У козацькій хаті“, і він став в шерг небагатьох тоді співців Кубані. Починає зрозумілою козакові його

рідною мовою промовляти до глибини його душі і виховувати у кубанця почуття нездоланної сили козачої і безмежну любов до рідної країни, рідного Війська. Згодом молодий поет стає дійсним Кобзарем Вільної Кубані, співцем її щастя, долі і волі, аж поки не обертається на чужині у Пророка Вільного Козацтва.

Хто з козаків вже не знає його до душі промовляючих віршів? Козаки і не козаки, навіть сини кавказського народу цитують їх в своїх листах, промовах. Вірші його перекладають на музику і співають, як пісні. Їх змістом дихає те козацтво, для якого добро і воля рідного Краю передусім.

Але Гнат Савич Шевель не лише поет, він і драматург і публіцист. Його публіцистична діяльність почалася трохи раніше: 26-го грудня (декабря) ст. ст., а 8-го січня цього року минуло 30 років від часу, коли в „Кубанских Областных Ведомостях“ була надрукована його перша стаття „Власть тьмы среди кубанских казаков“, що наробила багато клопіт і неприємностей авторові.

Згодом, в окремій статті ми подамо огляд творів шановного ювелєра, а зараз хочемо ознакомити козацтво з тим, хто стає на чолі духовного проводу боротьби за кращу долю Кубані і всього Козацтва.

Зяїнувати і він, щоб бачити широкий степ, оспіваний в піснях, часто гаяв своїх свиней пасти до могили (курмана) і там одпочивав душою, дивлячись на широкий простір, вкритий тоді воронцем, ковилем і горицвітом.

Сидів на могилі, думав свою хлоп'ячу думку і дивився у безкрайну далину.

У ті ж роки він збирав хлопчат-козачат і ходив з ними „визволяти козаків від ворогів“, до могили.

В ті малі роки Гнатові дуже хотілося вчитися і бути воєнним, однак злидні не дуже сприяли навчанню.

В 8 років він почав ходити до школи; до школи рвався він і раніше, але батько не пускав дуже малого. Через рік батько перейшов на службу в ст. Петровську, а ще через рік в свою Брюховецьку. Ці переїзди зле відбивалися на навчанні малого хлопця, однак він все ж носив зі школи похвальні листи.

Лише в 1887 р. він закінчив 2-х кл. школу і залишився на перепутті.

В школі на Гната мав великий вплив його вчи-

тель Никифор Григорович Кочевський, козак-кубанець. Дякуючи йому, Гнат вже в 3-му одд. почав знаходитися з творами Шевченка, прочитав його „Катерину“ і полюбив свою рідну козацьку мову.

Він плакав за Катериною, лаяв москалів і в перший раз в його дитячій душі з'явилася якась неприязнь до москалів; тоді він вже почав ділити людей на наших і не наших.

В 1885 р. трапилася подія, яка ще більше відбилася на Гнатові: жандарми заарештували Н. Г. Кочевського й посадили у тюрму.

Тоді Гнат, закоханий Шевченком, написав перший свій вірш: „Дорогому вчителю“. В ці роки він вже прочитав всього „Кобзаря“ і багато інших творів (Королєнка, Попки).

Книжки він брав у заможного полтавського городовика Гр. Гойдаря, що торгував книжками. В душі Гната зробився цілий переворот, в думках своїх він жив на Дніпрі, в Січі Запорозькій і думав, що нема на світі кращого народу, як козацький.

Гнат Макуха.

Скільки разів він питав себе: ну чому я Шевель, а не Шевченко, — так йому хотілося писати вірші.

Вже коли йому було 13 років, сидючи на могилі, він написав вперше:

Ой, могила, могила,
Яка ж в тобі сила!
Ти Тараса навчила
Писати пісні.
Поможи ж і мені.

І показав це батькові; батько засміявся, погладив по голові і сказав: „ну, Шевченком ти не будеш, а Шевеленком може й будеш“. Це було так до вподоби Гнатові, що він свій вірш „Дорогому вчителю“ і підписав: Гнат Шевеленко.

Взагалі потім могила грає велику роль в творах Шевеля.

Злидні душили сім'ю його батька і куди він не кидався, щоб дати сина вчитися, нічого не виходило. Він

ще раніше просив Військо прийняти сина у реальне чи гімназію; йому пообіщали, зачислили в кандидати, а через сім років сказали: везти на экзамени, а то виключимо з кандидатів.

В 1888 році він задумав йти в учительську семінарію, але, на його лихо, на Кубань збирався приїхати царь Олександр III і молодого Гната взяли у батарею малолітків для зустрічі царя. Царь приїхав у вересні (сентябрі) і рік пропав.

Лише на другий рік Гнат, заробивши три рублі на цегельні козака Уса, з цим капіталом пішки пішов в ст. Ладозьку, де була Кубанська вчительська семінарія і прийшов туди 14-го серпня (августа). Іспити відклали на два тижні і хлопцеві прийшлося жити впроголодь, ночуючи під сараями, аж поки 27-го він був зачислений до семінарії і пробув там 4 роки.

В семінарії інтернату не було; семінаристам давали з військових сумм по 15 руб. в місяць на все: на

тільки Никифор Григорович Кочевський, козак-кубанець. Дякуючи йому, Гнат вже в 3-му одд. почав знаходитися з творами Шевченка, прочитав його „Катерину“ і полюбив свою рідну козацьку мову.

Він плакав за Катериною, лаяв москалів і в перший раз в його дитячій душі з'явилася якась неприязнь до москалів; тоді він вже почав ділити людей на наших і не наших.

В 1885 р. трапилася подія, яка ще більше відбилася на Гнатові: жандарми заарештували Н. Г. Кочевського й посадили у тюрму.

Тоді Гнат, закоханий Шевченком, написав перший свій вірш: „Дорогому вчителю“. В ці роки він вже прочитав всього „Кобзаря“ і багато інших творів (Королєнка, Попки).

Книжки він брав у заможного полтавського городовика Гр. Гойдаря, що торгував книжками.

В душі Гната зробився цілий переворот, в думках своїх він жив на Дніпрі, в Січі Запорозькій і думав, що нема на світі кращого народу, як козацький.

квартиру, стіл, одяг, книжки, світло і т. ін. Звичайно, що цих грошей не вистарчало і жити було тяжко.

Драні чоботи, драгий одяг, голоднеча. Семінарист Шевель, щоб підробити, по неділях і святах, в осени, ходив різати виноград, а в зимі грав по ночах за 20—25 коп. на скрипці.

Горе, лихо, злидні, тяглися за ним весь час його життя в семінарії. До дому, на літні вакації, ходив він пішки, а один раз, коли надумав провідати на Різдво свою матір, бо вона була хора, на дорозі трохи не загинув від морозу.

Це потім послужило йому сюжетом драми „В убогій козацькій хаті на Різдво“, для шкільної молоді.

Коли семінаристи робили „випускний бал“, Гнат мусив продати ту скрипку, яка так визволяла його у бурсі...

1. VII. 1893 р. Г. С. Шевель був призначений вчителем у ст. Апшеронську, на 25 руб. в місяць і почував себе вже багатієм.

Через рік він оженився і тепер ото побачив, який він, властиво, „багатий“. Але, в своїй дружині, Агрипині Титовні, він найшов доброго друга і щирого козака; вона ж і штовхала чоловіка на відкриту творчу діяльність.

Щоб допомогти в житті, Г. С. підготувався в останній клас учительського інституту, видержав екзамен і закінчив його в 1897 р.

Він хотів йти до козаків і через це був призначений не в город, а в ст. Ірклівську, де і пробув два роки. В цей час він якраз і надрукував свої перші твори.

В осени р. 1899 його призначили завідувачем 2-х класовим училищем в ст. Петровській, а ще через чотири роки на таку ж посаду в ст. Гривенську, де вже і жив він до самої революції 1917 року.

Час перебування в Гривенській був найпліднішим у творчості Гната Савича. В цьому діяльно допомагала йому його дружина; через неї він збирав кубанські казки, приказки, загадки, молитви баб шепотух, пісні і т. ін. У його були зібрані всі обряди і пісні чорноморської козачої сватби (весілля). Де що з цього було надруковано у „Куб. Обл. Вед.“

Ще вчителем Г. С. Шевель провадить серед козаків ідеї козачої „самостійності“. Коли за цю саму „самостійність“ його „потрусили“ жандарми, Г. С. знявся тихою, косвенною пропагандою цієї ідеї у своїх віршах, які читав знайомим і приятелям, бо не думав, що вони побачать світ Божий. З загрозою він не знався, де б можна було їх видрукувати, і тому лише де які з них попали на сторінки кубанських газет та журналів.

Писав він і оповідання з козачого життя; все це друкувалося або в „Куб. Обл. Вед.“ або „Казачьем Листке“, також і в журналі „Союз“, органі „Куб. союза учреждений мелкого кредита“. Писав він і довші історичні поеми.

Після революції 1905 р., коли цензурні умови змінилися і досить вільно було можна писати рідною мовою чорноморських козаків, Г. С. Шевель написав дві п'єси для дорослих і дві для дітей. П'єси ці часто гралися у школі і любительському театрі, який виставив Г. С. у своєму садку. Грали там і інші „малоросійські“ п'єси.

Окрім вчителювання, Г. С. Шевель працював на культурній освіті станичан, як „попечитель участкового общества трезвости“.

Щирим співпрацівником його була вчителька п. Марія Кондратова, яка дуже любила козацтво, його мову і підтримувала всі починання і мрії Г. С. Для її школи він і написав п'єси.

Серед іншого вчителювання він порозуміння не находив. Ті були захоплені модним тоді соціалізмом, переважно ідеями і програмою російської партії с.-революціонерів, а Г. С. вів свою лінію — кубанську самостійну. Такої партії, яку він хотів, не було, а російські партії однаково були шкідливі козацтву.

Його ж праця і привела його до залишення педагогічної діяльності.

В 1911 р. він друкував в „Куб. Обл. Вед.“ ряд побутових статтів; одна з них дуже вразила отамана ст. Гривенської, який підняв проти автора судовий і адміні-

страційний процес; діло пішло до начальства і суда і хоч з цього нічого не вийшло, але отаманові вдалося підбити козаків і винести приговор про виселення С. Г. Шевеля за кордон краю, в адміністративному порядку.

Цього не сталося, але вражений Г. С. кинув школу і почав вести приватне життя. Однак, школа йому віддячила: на зібранні від спектаклів гроші діти їздили в Петербург і Москву і привезли звідти великий його портрет, який красувався в школі до р. 1920-го з надписом „Кубанському поетові Гнатові Шевелеві“, хоч він ніколи не підписувався власним іменем, а все псевдонімами. Большевики потім викинули Шевеля і вставили у рамку Леніна.

Большевики ж були і причиною, що переважна більшість творів Г. С. не побачили світу Божого — загинула його книжка „Сльози козацькі“, що готовилася до друку.

Покинувши школу, Г. С. Шевель почав сіяти хліб, завів пасіку, почав продавати книжки. Він „замкнувся“. З інтелігенцією він приятелював, але не так, щоб вона могла мати вплив на його життя. У його ще з дитячих років не було любови до „родіни“ у всеросійському масштабі, а інтелігенція на Кубані була переважно російська. Через це він пішов до „меншого брата“, все те, що він чув від своїх дідів, батьків і рідних, глибоко посіало у його любов до рідного Краю і до того народу, серед котрого він народився і який його краще розумів.

Г. С. Шевель почав діяльну працю у недільних школах і ще більше став близьким козакові. Діти в його вмерли, був сам. Г. С. жив як простий козак, але жив добре — мав город, садок, пасіку, худобу, книжну торговлю, театр; був головою „суду-сберегательного“ товариства, був у Т-ві скотоводів.

Надійшов 1917 р., а з ним і революція.

По весні р. 1917-го рідна його станиця Брюховецька обрала його станичним отаманом і Г. С. Шевель, почувши у повітрі Волю, широко пішов до праці. Він відчував у себе силу, а посада давала широкий простір її приміювати; через це залишив своє господарство і поїхав в рідну станицю. Але влада була тоді у руках комітета.

Це дуже турбувало нового отамана; почувалося, що прийдеється боронити свою свободу може і оружно.

В червні (июне) місяці Г. С. Шевель зробив так, що станиця приговором відкликала козаків з комітету і цей опинився без сили. На нього донесли у Петроград, звідти прийшла телеграма що він буде преданий суду — від „Совета Рабочих и Солдатских депутатов“, але в цей час на Кубані набирало ваги своє Войськове Правительство.

Це його підбадьорило і Брюховецький комітет було ліквідовано. Негайно почали так робити і сусідні станиці.

Зібралася Кубанська Краєва Рада — головний хазяїн Кубані і Г. С. Шевель був обраний до неї.

По закінченні сесії, члени Ради поїхали налагоджувати відносини з „городовиками“.

Спочатку Г. С. Шевель мирив їх з козаками на з'їзді Чорноморського полкового округу, а потім на Кавказському „отдельському“, де він був обраний головою. Нічого з цього не вийшло, городовики надержували вже не Керенському, а большевикам і треба було лагодитися до зброї. Видко було, що діло без війни не обійдеться і Г. С. провів свою думку серед брюховчан, що слід би було організувати куріні Вільного Козацтва.

Про це він сказав М. С. Рябоволові — голові Ради і К. Л. Бардіжові, який був до того Комісаром Рос. Тимчасового Уряду на Кубані. Це було ще в Раді. Рябовол махнув на це рукою, але Бардіж погодився з тією думкою. Скоро потім козаки брюховецькі ретельно взялися до діла і вже в жовтні (октябрі) р. 1917 г. всі вони увійшли у склад Брюховецького куріня Вільного Козацтва.

Курінним був обраний Г. С. Шевель, а старшинами: вчитель Петренко, Шостак, інспектор вищого початкового училища та прапорщик Яковенко, цей орудував воєнною частиною. Старих старшин не було, ті ще воювали на фронті.

В другу сесію Ради, в листопаді (ноябре) Г. С. сказав Бардіжові, що курінь він уже має. К. Л. Бардіж — був сам уже тієї думки, що досить уже „наговорились“, що дійсно пора вже організовувати козацтво на захист добутої волі.

Незабаром з фронту повернулися до Брюховецької 2-й і 3-й Чорноморські полки, які передали в курінь всі свої запасні винтовки.

Дальше озброєння було за рахунок полків 39-й дивізії.

Скоро большевики заарештували Г. С. Шевеля, в ст. Тимошівській, але він визволився з під арешту, поїхав до Катеринодару. В цей час К. Л. Бардіж уже брав провід по організації курнів Вільного Козацтва в свої руки, користуючись своїм авторитетом.

В січні (январе) большевики підступали до кубанської столиці з усіх боків; тоді кубанська влада запакувала Військові регалії і старі запорожські клейноди у 16 ящиків і передала їх на охорону брюховецькому Вільному Козацтву.

Брюховчане з честю виконали це звання.

14—16 лютого (февраля) в Брюховецькій збиралася Чорноморська Рада з делегатів станиць; прибув туди Військовий Отаман і все Правительство.

Г. С. Шевель був обраний почесним головою цієї Ради, але сам на ній не був, він захищав підступи до станиці. За цей час він зовсім вибився з сил, а тут треба було ще спасати сім'ю, яка перебувала в ст. Гривенській. Г. С. виїхав за нею, передавши курінь і регалії своєму замістителю уряднику Пирогову, але на дорозі попався знов до большевиків.

До станиці дійшли чутки про його арешт, навіть були люди, які „бачили“, як курінного розстріляли; але Г. С. втік і 5½ місяців воював з червоними, сидючи в комишах плавень Азовського моря.

Курінь же його увесь вийшов у Ледяний похід.

Коли Чорномор'я було звільнено від большевиків, Г. С. вже не попав до Брюховецької; після комишів він довго хорував, а по выздоровленні був призначений керуючим Військовим риболовним участком у ст. Гривенській, де і перебував до того часу, коли в березні 1920 р. Кубанська Армія знов покинула Кубань. Г. С. Шевель попав у Крим, а звідти на еміграцію до Королівства С. Х. С.

Тут знову прийшла зла доля на старого козака. Один, як перст, серед чужих людей, голодний і холодний, він був примушений на старості років заробляти собі шмагок хліба важкою працею. Старий козакий педагог, поет, батько кубанського Вільного Козацтва працює по чужих господарствах, оре чужу землю; пасе чужу худобу і в ці важкі і лихі години не перестає думати про свою рідну Кубань і братів козаків.

Іх і свою долю він виливає в віршах, які разом з ним плачуть горючими сльозами. Більшість їх не бачить широкого світу і лише в кінці 1925 р. коли видавництво „Вольная Кубань“ випускає в С. Х. С. не-

личкий літографований збірничок різних козачих віршів, Гнат Макуха поміщає десять своїх творів в ньому і стає відразу відомим всьому кубанському козацтву.

Свого часу Г. С. Шевель мав безліч псевдонімів, його істотна скромність не дозволяла йому виставляти своє ім'я; лише один раз, у 1911 р., підписався він повним ім'ям і як раз на своє нещастя.

Згодом, його новий, закордонний, псевдонім стає його літературним ім'ям, під котрим Гната Макуху починають знати по всьому козачому емігрантському світі і на рідних Землях, куди проникає журнал „Вільне Козацтво“.

До вихода цього журналу, Г. С. Шевель захляв був душею і тілом, не бачив просвітку, втрачав вже і надію в те, що Козацтво виб'ється з рабства і неволі і що побачить рідний Край вільним і незалежним. Але ті, хто взялися за видання журналу, найшли Гната Макуху.

В далекій Славонії, в лісу на пустирі, один одинокий він пас і стеріг чужих свиней за таку малу платню, що ледви-ледви міг не померти з голоду.

Перші числа „Вільного Козацтва“ відроджують старого Кобзаря, його пісня радіє, кличе до боротьби за Волю.

Гнат Макуха кидає пустару і з котомкою за плечима іде проповідувати ідеї Вільного Козацтва по країні до своїх козаків. В одному місці він працює на заводі, в другому на полі, в третьому на лісопилці, іде до козаків сам і козаки йдуть за ним і до нього.

Байдужий вже до свого життя, він знов оживає і хоче жити, але застаріла хвороба, на яку раніше він не брав, кладе його під ніж оператора як раз на минуле Різдво.

Доля його охоронила, старий козак ще на ліжку привертає до вільнокозачої віри нових і нових прозелітів, і знову йде будити Козацтво.

Далі він стає одним з головних основателів „Союзу кубанських письменників і журналістів“.

Козача державність для його все:

„Як об'явила Рада нашу рідну Кубань незалежною державою, так я був такий радий“, пише він „що, в житті ніколи не пивши, їй же Богу, так напився, що аж жінка злякалася. Чуть на той світ не пішов. І тепер, як згадаю ті хвилини, так дух так підіймається у грудях, що хочеться і плакати і танцювати. Мені здається, що коли б я тепер побачив Кубань незалежною державою, з вільною отаманською булавою, то від радости б лопнуло серце. Мені тепер одного хочеться, дуже хочеться — діждати тієї години, коли я прийду на Вільну Кубань, візьму у руки своєї для мене святої землі і скажу: прикрий мене, земле! бо я діждав того, про що мріяв ціле своє тяжке життя, за віщо скотався наймитом у чужині, плакав дні і ночі і виливав свою тугу за Тобою“.

І дай йому, Боже, діждатися цієї святої хвилини і довгого, довгого життя на Вільній Кубані.

Шамба Балинов.

Мендэ у гарву-та!*)

В этом году на 10-е февраля припадает наш калмыцкий национальный праздник „Цаган“. И в этот день так хочется послать свое мысленное приветствие своим собратьям, скитающимся по чужбине. И это свое приветственное предложение составит именно так по-калмыцки витиевато-пышно, как я его составил бы по-калмыцки.

Олон эджи аванар, экчинэр, дюнэр. — Отцы и матери, братья и сестры, — изгнанные из своей Родины жестоким врагом, девятый уж год лишены возможности этот свой светлый, радостный праздник встречать в своей милой, родной степи, в кругу своих дорогих родителей и друзей, вынужденные скитаться по чужим землям, безропотно перенося тяжкие эмигрантские

лишения и безпредельную тоску по Родному Краю, — медэ у гарву-та!

Тяжкая действительность не дает нам возможности наш встретить праздник должным образом. Мало того, мы расбросаны по многим странам, а потому лишены возможности, хотя бы скромно, но встретить его вместе. Но и наши братья, оставшиеся „там“, в силу существующего режима власти, не имеют возможности радоваться полной радостью, должным образом предаваться праздничному ликованию.

Но, будем верить — настанут лучшие времена, установятся в нашем Краю лучшие нравы, справедливый порядок, когда мы будем свободно, радостно в полном кругу родных, среди всего нашего народа встречать наш славный праздник.

Праздник Цаган — „Белый“. Праздник торжества

*) Приветствие калмыков в день праздника Цаган.

Белого над Черным, Добра над Злом, торжества воссоединяющей природы, жизни над мертвым, леденящим покровом долгой зимы... В этот день весь монгольско-калмыцкий мир забывает все прошлое недоброе, злое и отдается радости освобождения от них.

Что было для калмыка Цаган, как готовились к нему и проводили его в былые времена знают все взрослые калмыки, а иные в эмиграции с мучительной тоской, болью в душе, м. б., вспомнят о нем, надрываясь над непривычной работой где-нибудь на фабрике или в глубине шахты.

Целый месяц, бывало, продолжалась предпраздничная суэта. Иногда бессонные ночи, беспокойные дни. Наконец, наступает канун праздника — Дюлэн — всенощное богослужение в Хуруле (Калмыцкий буддийский монастырь). Вычистившиеся, вымывшие, празднично наряженные, все спешат туда. Темная, морозная зимняя ночь. Хурул горит всеми огнями. Под их лучами блестят и сверкают золотые, серебряные и бронзовые изображения святых и различные богатые молитвенные предметы. Тихо колышутся и мягко шуршат разноцветные пышные шелковые украшения. Чинно восседает все духовенство. Сумэ (Храм) полон народу, сосредоточенно молящегося.

Величаво и своеобразно-красиво совершается всеобщая непрерывная служба. Торжественные звуки духовной музыки. Монотонно-восторженное пение хора манджиков — молодых послушников. Молитвенно-сосредоточенные лица мирян, всей душой отдающихся благотворному влиянию умиротворяющей службы. А над всем этим величественно возвышается золотое изображение Будды с его постоянной кроткой улыбкой на устах...

Восход Солнца — самый торжественный момент. Ясный морозный зимний рассвет. Степь покрыта природной белоснежной скатертью. Кругом тихо, тихо. Лишь в ограде Хурула идет оживленное приготовление к встрече Окун-Тэенгэр (Небесная Дева), возвращающейся из далекой страны после подавления величайшего Зла...

Снег хрустит под ногами. Холодно, особенно после бессонной ночи. Но на душе легко, радостно, хорошо. Все духовенство, выйдя из Сумэ, располагается на

заранее приготовленных местах, в необходимом для этого случая порядке. Желто-красные пышные одеяния (Номто хобзон) и бритые обнаженные головы гелюнов резко выделяются среди черных волос мирян. Ждут восхода Солнца.

Наконец, из-за горизонта показывается край восходящего Солнца и золотые снопы, его лучей озаряют белоснежную тихую ровную степь. Вместе с тем из-за Сумэ, северо-восточной его стороны, появляется торжественная процессия, несущая Окун-Тэенгэр. Духовная музыка играет торжественную встречу. Люди отдают земные поклоны.

Служба завершается в Сумэ. Настроение нарастает. Голоса манджиков, гелюнов и самого Бакши становятся звонче, ликующими. Все радостнее, воодушевленное звуки музыки...

Наконец, пение „Шаштр“ — гимн Будде.

Конеч.

— „Мендэ у гарву-та“ — обращается ко всем Бакша.

— „Гарва“ — раздается ответ и начинаются братские объятия с приветствием и обменом этих милых „белэх’ов“.

Так кончалась религиозная часть праздника. Наступало время мирян, которые, возвратившись в свои станицы и хутора, этот праздник праздновали целых три дня. Сколько веселья, счастливых лиц! Все три дня в станицах и хуторах, бывало, царствует радостный смех молодежи, буйный молодой задор, танцы, скачки, — то долгие, то часто веселые песни...

Белокопытый конь мой

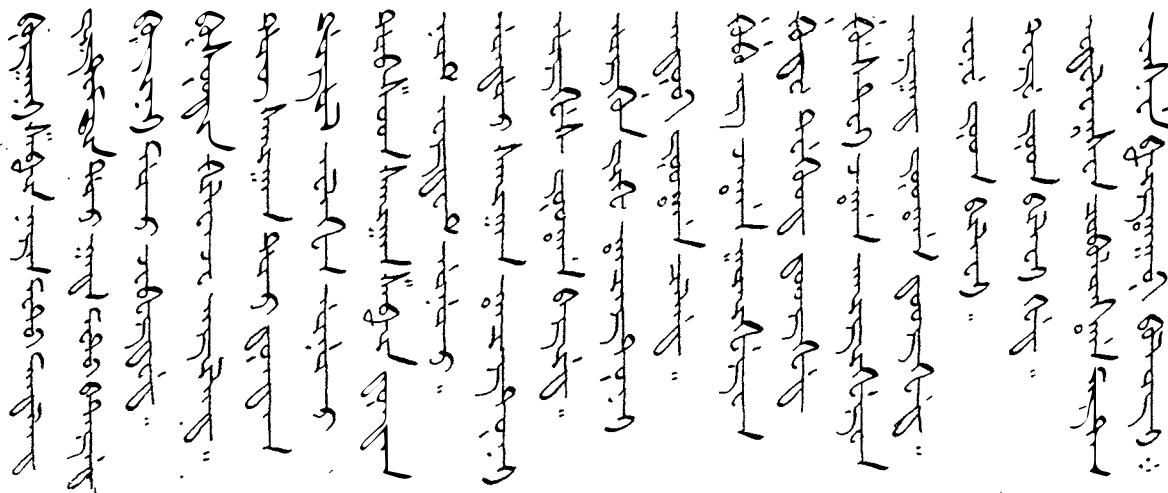
Гарцует по снегу белоснежному,

В первый день месяца Цаган

Мы торжественно справляем праздник Цаган...

Все это мы знали. Но наша молодежь этого не знает и узнает-ли когда? Хочется верить, что настанет пора, когда и она узнает и глубоко будет переживать этот свой светлый праздник, как его переживали наши отцы и деды.

Будем верить. Пройдут лихолетия, заживут раны народной жизни, забудутся изведенные нами страдания и осуществится в наших Родных Краях старое калмыцкое благопожелание **):

Пусть дела духовные как Солнце воссияют,
Дела мирские как скалы утвердятся,
Пусть пути Добродетели очистятся
И грехи человеческие отпустятся.
Пусть в области религии и науки
Вера и знание торжествуют
И в успокоенном, крепком государстве
Друзья и собратья благоденствуют.
Пусть на возвышенно-красивых местах
Дворцы и дома воздвигнутся

**) Калмыцкий текст благопожелания взят из журнала „Улен Залат“, № 2.

И беспредельно-зеленые луга
Прекрасными табунами украсятся.
Пусть ватно-белыми овцами
Степь родная покроется
И освежающе-прекрасными напитками
„Архад“ и прочее наполнятся.
Пусть забудутся пережитые страдания —
„Что это было, что то было?“ ***)
И в измученных душах братьев
Радость и покой водворятся...

***) Специальный термин, выражающий забвение пережитых страданий.

Санжа Балыков.

Думы о путях национального возрождения Калмыцкого народа.

Едва ли кто из политически честно и серьёзно мыслящих людей нашего времени станет спорить против права каждого народа на самоустроение своей жизни.

Трудно было бы сказать что-либо убедительное в пользу права на кабаление и владение одним народом другого. Принцип права народов на самоопределение или, в худшем случае, на уважение их национально-бытовых, религиозных, местно-хозяйственных особенностей, в настоящее время все шире и глубже проникает в сознание каждого культурного человека.

Одним из характерных и ценных сдвигов в умах человеческих нашего века есть пробуждение у угнетенных народов их национального самосознания.

„Национальное возрождение, самоопределение, национальная самобытность“, — вот наиболее яркие лозунги этих народов в наши дни.

Против этого „массового“ пробуждения национального духа и старые взаимоотношения между народами, населяющими территорию б. Российской империи, старые понятия и государственные устои, созданные на праве силы, покоившиеся на основе владения, „освоения“ одного народа другим, не долго устоят.

Они, как залежавшийся грязный снег под живительными лучами весеннего солнца, растают, растворятся и исчезнут в море общечеловеческого права.

Только некоторые неисправимые сторонники единой державной России приводят теперь доводы, что многие народы по своему культурному уровню не доросли до права на самоустроение своей жизни и потому, в интересах этих народов, — находиться под властью „культурного“ народа и т. д.

Они не хотят понять, что право на самоопределение совершенно не зависит ни от уровня культуры, ни от численности народа.

И тем более бесспорно право на самоопределение тех народов, у которых общественное сознание доросло до необходимости борьбы за свои национальные права.

Экономические или иные реальные возможности самостоятельного существования — другой разговор; это — внутреннее дело каждого данного народа; оно не может быть заботой соседа.

Калмыцкий народ, входящий в число „освоенных“ Россией народов, издавна был по своему культурен, имел и имеет свои государственные традиции; общественное самосознание его, несмотря на все усилия и ухищрения Российской власти, никогда окончательно не замирало.

Но, калмыцкий народ, в семье народов б. России, единственный у которого по отношению к России было, пожалуй, иное чувство, чем у других покоренных ею народов.

Калмыцкий народ не был покоренный.

Он, по условиям своей жизни, сам, организованным степным государством, пришел и занял свободное степное пространство и, наполнив его животным богатством, наладив с Россией добрососедские отношения, стал ее пособником в расширении границ, добровольно снаряжая для этого целые полчища конницы с своими полководцами.

Только слишком неблагодарная, без нужды поспешная, алчная политика русской власти оттолкнула симпатии калмыцкого народа к России.

И калмыки, дорожа своей свободной, после ряда крупных услуг России, исчерпав надежды получить от нее признание своих национальных прав, решились на гибельный шаг: перекачку в Китай...

Путь от Волги до Китайской границы отметили своими и вражескими трупами и пробрались куда хотели, только случайно оставив по правую сторону Волги свою незначительную часть.

Этот показательный случай не надоумил все же русскую власть изменить свою политику по отношению к этому, почти единственному, преданному тогда инородческому народу.

По отношению к оставшимся калмыкам продолжалось то же стремление к полной их руссификация, исчезновению, к потере национальных особенностей, своего лица и пр..

Безобразная Русская революция принесла калмыцкому народу еще горшие испытания: численное уменьшение, экономическое разорение.

Современное положение его печально. Много страдает он от теперешних, как калмыки говорят, „черствых законов“.

Но, (недаром говорится: „нет худа без добра“.) обедневший калмыцкий народ в борьбе за жизнь, проявляет упорство, завидную энергию.

Его молодежь, сотнями там, десятками здесь, учится; национальное самосознание растет; зарождается периодическая печать...

Разумеется, что одной из неотложных задач калмыцкой общественности является задача найти дальнейшие правильные пути национального возрождения калмыцкого народа.

Поэтому уместно и своевременно теперь же наметить вехи этих путей.

Это — право и обязанность калмыцкой интеллигенции, пребывающей в эмиграции, так как только ее ум и голос не придушены коммунистической диктатурой.

Оглядываясь на прошлую жизнь нашего народа, приходится признать, что только та часть калмыцкого народа, которая жила в семье казачества, находила справедливое к себе отношение, достойное место, уважение своих национально-религиозных особенностей.

Вот откуда у донского калмыка та, непонятная для посторонних, тяга к казаку, к Казачеству; вот где — тот источник, что дал импульс калмыцкому народу на Дону, не задумываясь стать в первые ряды Казачества в его неравной борьбе и быть ему до конца верным.

Несмотря на разницу религий, быта, наружных и других признаков, здесь действовал общий дух независимости, моральная скрепа, сознание общности доли-судьбы.

И связь эта — крепка.

Калмыцкому народу, на протяжении веков принимавшему участие во всех перипетиях казачьей жизни, — не остаться праздным зрителем, когда на глазах разыгрывается один из важнейших актов казачьей жизни в желании быть и сохранить себя — Вольным Казачеством.

Я уверен, что калмыцкий народ свяжет свою судьбу с судьбою казачества, чтобы в результате обрести в его союзной семье право равного члена, которое и даст ему возможность полного национального возрождения.

Казачество, борющееся за права для себя, безусловно будет только способствовать национальному процветанию своего верного, исторического „односума“.

И так, по моему, наше грядущее национальное возрождение неразрывно связано с возрождением Казачества, с торжеством идеи Вольного Казачества.

Как огонек среди мрака ночи привлекает ищущих тепла и света, так и справедливая, человеческая постановка национальных вопросов Вольным Казачеством должна привлекать сердца не только калмыков, но и всех других соседних народов, ищущих свободы и равенства.

О. Долинский.

Новая Румыния.

(По поводу первого десятилетия).

В январе месяце исполнилось десять лет со дня возникновения объединенного румынского государства, т.-е. новой Румынии, какую румынские патриоты называют „Великой Румынией“, ибо в этом послевоенном государственном новообразовании был, наконец, воплощен давний великорумынский политическо-национальный идеал румынского народа.

Следует отметить, что в прошлом Румыния была более счастлива в своей внешней, чем во внутренней политике. Она всегда умела прекрасно использовать для своего государственного роста решающие моменты в новейшей политической истории Балкан и Европы. Территориальным своим ростом она обязана последним войнам, в которых фактическое ее участие не было очень активным.

До 1912 года Румыния располагала площадью в 131353 км² с населением приблизительно около 7 милл. В Мировую войну (в 1916 г.) она вступала с территорией немного больше 139000 км², имея населения около 8 милл. Война более чем удвоила ее территорию (теперь площадь Р. = 296142 км²) и население (кругло 17 милл.) До сих пор не было в новой Румынии переписи населения.

Территориально теперешняя Румыния увеличилась, главным образом, за счет б. Австро-Венгрии (Трансильвания, част Баната, Буковина); в меньшей мере за счет России (Бессарабия).

В национальном отношении население ее довольно пестровато, но, к официальной статистике, — национальные меньшинства составляют в общем 24% всего населения. Их положение гарантировано международным пактом, но фактически — до победы теперешнего правительства — они не пользовались никакими правами, даже в культурном отношении.

Вообще приходится отметить, что с точки зрения внутренней стабилизации, новая Румыния немного пруспела в течение первого десятилетия своего существования. Вина за это главным образом, падает на либеральную партию, в свое время сыгравшую историческую роль в деле созидания румынского государства.

После войны она почти монополично захватила в свои руки бразды правления в Румынии. К сожалению, политика ее оказалась более партийною, чем национальною, понятно, в ущерб интересам нового государства.

Кроме этого, методы ее политики во многом разошлись с принципами современной демократии и парламентаризма, вызывая чем далее более сильную оппозицию в рядах других политических партий, особенно же, — национально-крестьянской.

В разговоре с сотрудником „Revue des dans Mondes“ (1928-15-XI) — автором интересных очерков о новых Балканах, — один из представителей либеральной партии следующим образом характеризовал ее значение:

— „Партия, правящая теперь, (дело было весною в прошлом году, О. Д. — три четверти века уже играет в Румынии значительную роль; так что истории ее нельзя отделить от истории самой страны...

... Либеральная партия создала современную Румынию: именно благодаря ей, Румыния стала частью Европы. Нет необходимости уходить далеко назад; достаточно спросить: кто-же руководил румынскою политикою в течение критических лет великой войны? Кто присоединил к старому королевству новые провинции? Кто изгнал большевистскую опасность, в ударном порядке проводя избирательную и земельную реформу, вводя всеобщее избирательное право и малую собственность? Это сделала либеральная партия...“

Действительно, в 1917 г. либеральная партия, возглавлявшая правительство, внесла несколько законопроектов с целью демократизации Румынии. В этом отношении особенно интересным был проект аграрной реформы, предусматривавший принудительный выкуп помещичьих латифундий и надел землею безземельного многочисленного крестьянства. Проектируемая демокра-

тизация избирательного закона тоже была неизбежною данью духу времени.

Фактически, оба эти законопроекты были осуществлены значительно позже, когда удалось, хотя в общих чертах, объединить составные части новой Румынии, первые годы отстаивавших свою автономию и энергично борющихся против бухарестского централизма.

Только в 1923 г. Румыния получила свою новую конституцию, фиксирующую законодательным порядком послевоенное фактическое ее положение.

Аграрная реформа, о которой упоминалось выше, фактически была осуществлена правительством ген. Авереску (1920—22). Она имела в виду между прочим и национальные латифундии в новоприсоединенных, б. австро-венгерских провинциях. Благодаря ей к концу 1922 г. образовался значительный земельный фонд (приблизительно 4 милл. гектаров), гарантирующий надел землею малоземельного крестьянства.

Реформа избирательного закона, к сожалению, была в корне ослаблена некоторыми кардинальными поправками в интересах правительственных партий. Напр. партия, собравшая большинство голосов (не менее 40%) — получает половину всех мандатов. Партия, не собравшая 2% общего числа голосов — не получает ни одного мандата.

Прав был генеральный секретарь национально-демократической партии, боровшейся за последние годы с политическою гегемониею либералов, заявивший М. Перно, цитированному уже здесь автору очерков о Новых Балканах:

— „Либеральная партия много сделала для Румынии; мы этого не отрицаем. Но в настоящее время (т.-е. весною 1928 г., О. Д.) — она ведет страну прямо к развалу. Либеральная партия — продолжает генеральный секретарь партии, одержавшей блестящую победу во время свободных парламентских выборов в декабре прошлого года — дала Румынии всеобщее избирательное право и аграрную реформу. Но вместо того, чтобы приспособить свою правительственную деятельность к чисто демократическому направлению, к какому, казалось бы, предопределяли страну эти две великие реформы, она скомпрометировала их путем политики произвола и автократии. Она полагала, что Великой Румынией можно править и управлять теми же методами и в том же узком и эгоистичном духе, с каким прежде она правила и управляла старым королевством. А результаты? Сельскохозяйственный развал, промышленность, искусственно созданная, существовавшая только ценою протекционных тарифов и монополей подкапывала экономическое развитие страны; денег все меньше и они дороже, благодаря систематическому устранению иностранного капитала; повышение внутренних цен было результатом исключения всякой конкуренции; естественные богатства страны, или не эксплуатируемы, вследствие отсутствия капиталов и техники, или эксплуатируются исключительно в пользу либеральной партии и ее ставленников...“

Из сказанного явствует, что либеральной партией решение жизненных вопросов в Новой Румынии было не по силам. На смену ей приходит новая могущественная нац.-крестьянская партия, образовавшаяся путем слияния (1926 г.) из передовой трансильванской национальной партии и крестьянской или „царанисткой“ партии, которая возникла после войны.

Лидером этой объединенной партии является теперешний румынский премьер — Маниу. Находясь в ожесточенной оппозиции, эта партия в прошлые годы (1926 и 1927) собирала во время парламентских выборов много голосов (72.7000 и 610.000).

Ставши во главе правительства, — она впервые дала полную свободу парламентских выборов и... получила в парламенте и сенате подавляющее большинство мандатов.

Находясь в оппозиции Маниу заявлял, что „их барь-

ба не является ни классового, ни партийного, но национального...“

Став во главе правительства, он сразу взял общенациональный курс политики, стараясь, ударным т. ск., порядком устранить тяжелое наследие своих предшественников: бюрократический произвол и центролизм, угнетение окраин и инородцев, финансовую анархию и экономический эгоизм.

Одна газета написала после декабрьских выборов в Бухаресте, что „Румыния начинает новую эру своей государственной жизни...“

Конечно, еще преждевременно оценивать значение нового правительства в Румынии. Об этом можно будет говорить, когда оно свою программу закрепит делами; когда оно исполнит то, что обещало в своем заявлении; когда оно докажет, что, благодаря ему, Румыния, действительно, стала демократическим европейским государством: словом, когда оно оправдает великие надежды, возлагаемые на него и осуществит те исторические задачи от которых зависит будущее развитие Новой Румынии: ее утверждение, преуспеяние и прогресс...

А. Стремляной.

Моторизованные армии.*)

„Моторизация армии является одним из самых важных вопросов эволюции военного искусства... Некоторые из пророков уже видят целые армии, превращенные в бронированные машины, а оставшихся в коннице всадников — замененными моторизованными бойцами. Так далеко дело еще не зашло и мы хорошо сделаем, если будем считаться с существующими в данное время условиями, отвечая потребностям современной эпохи и ближайшего будущего“.

Эти строки принадлежат перу немецкого генерала фон-Зекта, организатора германского рейхсвера.

„В будущей войне — пишет другой немецкий военный писатель майор Рендулих — относительно малые армии будут стремиться вступить в бой с возможной быстротой и эти армии, прежде всего, будут искать решительного исхода. Отсюда вытекают намерения у всех государств создать соответственной силы и боеспособности авангардные армии, вооружив их всеми средствами для разрешения исключительно важных задач“.

И другие германские военные авторитеты считают, что в настоящее время для обезпечения страны безусловно необходимо иметь особые авангардные армии, которые должны быть „механизированы и моторизованы“ в соответствии с развитием современной техники.

После проведения нового закона об организации обороны страны к тому же склоняется и французская военная мысль.

Попытаемся разобраться в вопросе: что представляют собою моторизованные войска и каково их боевое назначение.

Использование мотора в войсках пошло по двум путям: стратегическо-оперативному (перевоска войск) и тактическо-боевому (прямое воздействие на противника).

В связи с этим, моторизованные войска разделяются на три группы: к первой группе относятся части, органически входящие в состав войсковых соединений основных родов войск; ко второй — транспортные части; третью группу составляют самостоятельные боевые единицы.

При рассмотрении первой группы мы увидим, что сюда входят главным образом моторизованные боевые средства, как-то: автомобильная и тракторная артиллерия; минометы, бомбометы и пулеметы с автомобильными установками; броневики и танки разные вспомогательные средства; напр., моторные понтоны, радиостанции, легковые, штабные (омнибусы) санитарные и грузовые машины, а также мотоциклы. Возрастающее значение техники заставляет стремиться, к тому, чтобы такими моторизованными единицами войсковые соединения были насыщены в пределах необходимого полностью. Все эти части имеют по преимуществу тактическое значение.

Транспортные части, составляющие вторую группу,

не входят в состав войсковых соединений; их назначение: перевозка войск и боевых средств. В мирное время они не могут содержаться в большом количестве: в этом нет надобности, а расходы на них были-бы огромные. С открытием военных действий потребность в авто-транспорте будет большая; им придется дополнять, а иногда и заменять железные дороги и конную тягу. В странах Зап. Европы и особенно в Сев. Америке, где сильно развито автомобильное сообщение и налажено массовое производство машин, формирование авто-транспортных частей во время войны, особых затруднений не встретит. Это показал опыт минувшей войны. Совсем иное положение Советской России, где автомобильная промышленность развита слабо и где нет хороших шоссейных дорог. Организация транспортных частей весьма разнообразна. За первоначальную единицу можно принять колонну грузоподъемностью в 20 и 60 тонн.

Третий вид моторизованных войск представляет собою особую оперативную единицу, в которой силы лошади и человека полностью заменены мотором и где все передвижения пехоты, входящей в состав отдельных единиц, совершаются при помощи машины, — мотора. Такие части должны содержаться в определенном количестве и в постоянной мобилизационной готовности еще в мирное время на тех же основаниях, как и конница. Места их стоянок должны быть поближе к вероятным предметам действий. Специальные задачи, возлагаемые на такие части, требуют, чтобы техническое оборудование в них стояло на должной высоте; здесь все средства борьбы и передвижения должны быть первосортными и идти в уровень с развитием техники. Подбор и подготовка личного состава в таких частях имеет первенствующее значение: помимо хороших знаний, все бойцы должны получить высокую моральную закалку и выучку, на что потребуются много усилий и времени. Каждая такая отдельная часть должна представлять собою единое целое и быть в состоянии выполнить самые ответственные задачи. Число таких единиц не может быть большим и определяется прежде всего экономическими возможностями каждого отдельного государства и наличием у него особых задач. Для государств, с ограниченной финансовой базой, с расстроенным народным хозяйством и слабо развитой промышленностью формирование и содержание особых моторизованных войсковых частей сопряжены с большими трудностями, а некоторым и совсем не по плечу. Восполнить недостаток таких специальных войск может лишь отчасти хорошая конница, богато снабженная новейшими техническими средствами. С наибольшим успехом такие конные массы могут быть использованы в Восточной Европе.

В организационном и тактическом отношении каждая отдельная моторизованная единица представляет собою дивизию; в исключительных случаях — полк усиленного состава. Моторизованная дивизия по своей внутренней организации должна соответствовать нормальной пехотной дивизии с теми особенностями, какие вызываются ее специальным назначением и техническим оборудованием. Касаться этих вопросов в деталях не будем здесь. Отметим лишь, что в состав моторизованной дивизии органически входят: один танко-

*) Источниками при составлении статьи служили журналы: „Милитер Вохенблат“ — № 7 за 1926 г., № 8 за 1927 г., № 24 за 1928 г., и „Военный Вестник“ — № 34 за 1927 г., № 17 и 33 за 1928 г. А. С.

вый батальон из трех рот и авто-транспортный полк для перевозки пехоты, боевых средств и проч. имущества.

Скажем несколько слов об использовании моторизованных войск.

В тактическом отношении применение моторизованных боевых средств, входящих в состав войсковых соединений, никаких коренных и принципиальных изменений не внесло и отразилось лишь на некоторых приемах и методах, при ведении боя и подготовке к нему. Вследствие моторизации все войсковые соединения и входящие в них отдельные части — в особенности артиллерия — приобрели большую устойчивость гибкость и подвижность. Сказалось это и на управлении войсками. Штаб части, имея омнибус-канцелярию, радиостанцию и весь личный состав на автомобилях, может в любой момент и в любом месте развернуть свою работу, будучи готовым во всякую минуту к новому переходу. Наличие моторизованной мостовой колонны позволяет выбрасывать ее в каком угодно направлении с быстротой 20 км. в час; а что значит своевременное устройство переправы, напр. на месте взорванного моста, знает каждый начальник. Дивизионный авто-транспорт облегчит работу войсковых обозов, особенно при наступлении и в маневренной войне, когда требуется интенсивная подача войскам всех видов снабжения. Конной дивизии необходимо придавать батальон пехоты, перевозимый на автомобилях. Это усилит огневую силу дивизии и даст ей устойчивость.

Мы не будем здесь останавливаться на видах и свойствах машин, из коих составляется авто-транспорт. Скажем лишь, что машины эти грузового типа. В настоящее время во всех европейских армиях заводятся — правда, пока в ограниченном количестве — бронированные транспортные автомобили, развивающие скорость до 40—50 км. в час.

Авто-колонны (полки) могут быть использованы для перевозки войск, как в глубоком тылу, так и для переброски вблизи боевого фронта, напр., при маневрировании и подаче резервов. Скорость движения войск на автомобилях зависит от состава перевозимых частей, времени суток, состояния путей и погоды. В среднем движение будет производиться со скоростью 15—20 км. днем и 10—15 км. ночью при суточном переходе в 100—200 км. Для перевозки пехотной дивизии, с включением лишь нужных для боя лошадей и повозок, потребуется 50 грузовых колон, грузоподъемностью в 60 тонн каждая. При соблюдении установленных дистанций, дивизия на марш займет в глубину (без охраняющих частей) не менее 70 км., а полк усиленного состава — 25—30 км. Во избежание путаницы, все расчеты по посадке войск и времени выступления, и прибытия к пунктам назначения должны быть сделаны со всею тщательностью; особенно следует избегать перекрещивания с другими колоннами и обращать сугубое внимание на поддержание связи во время марша, для чего пользуются мотоциклами, легковыми автомобилями и подвижными радио-станциями.

Надо иметь в виду, что перевозка войск на автомобилях при больших расстояниях — свыше 300 км., — не всегда выгодна: это доказывает учет времени и расход горючего материала. В этих случаях выгоднее пользоваться железными дорогами. Точно также нельзя прибегать к авто-транспорту и на близких расстояниях; напр. на расстояние в 30—40 км., можно перевозить лишь мелкие части. Для обеспечения перевозки войск принимаются все меры скрытности от воздушной разведки и высылаются вперед свои разведывательные и охраняющие части. Как правило, дивизия движется по трем дорогам; при этом желательно, чтобы каждый эшелон организовал для своей колонны особое охранение и выслал вперед свой разведывательный отряд, удаление которого от головы колонны главных сил будет равняться приблизительно дневному переходу (80—100 км.).

Специальные моторизованные части, в которых лошадь полностью заменена мотором, отличаются от перегруженных на автомобили войск большей подвижностью

и постоянной готовностью к любой боевой операции. Во время, как моторизованные части, входящие в состав войсковых соединений, выполняющие боевые задачи совместно с пехотой или конницей — специальные моторизованные войска с самого начала войны действуют самостоятельно и приобретают стратегическое значение.

Немцы представляют себе действия специальных моторизованных войск в таком виде.

С объявлением мобилизации отдельные моторизованные части — с одной стороны — могут принять на себя охрану границ и прикрыть сосредоточение армий; с другой — они будут служить для нападения на территорию противника, для захвата в приграничной полосе отдельных пунктов и целых районов, имеющих важное значение, как-то: крупных промышленных центров, жел.-дорожных узлов каменноугольных копей, железных рудников, нефтяных источников и т. п. Немцы допускают — и это характерно — что такие нападения, по всей вероятности, произойдут до объявления мобилизации.

Таким образом, моторизованные части, выброшенные на границу, завязывают военные действия. При наличии их стратегическое развертывание армий будет происходить в большей безопасности и ускоренным темпом. Перегруппировка сил с моторизацией войск значительно облегчится; наступательные операции будут поддерживаться сильными резервами, которые можно держать, в целях укрытия и удобства управления, за серединою фронта, на дистанции соточного перехода (100 км.).

Воздушная разведка и высылка вперед моторизованных войск значительно уменьшают вероятность встречных боев: авангарды моторизованных частей будут удалены на такое расстояние, что внезапность встречи почти исключается. Это обстоятельство позволит вести широкие и глубокие маневренные операции с охватами и обходами флангов и воздействием на коммуникации. Такие маневренные действия вполне отвечают свойствам моторизованных войск.

Переброска резервов для противодействия охвату и обходу теперь может легко производиться из глубины, но на флангах для этого нужна тщательная разведка, которую ведут особые разведывательные отряды моторизованных частей, принимающие на себя с связкой боя и охрану флангов. Здесь необходимо указать, что порожние автомобили должны держаться в таком удалении, чтобы при выходе из боя можно было быстро произвести погрузку, в особенности мелких прикрывающих частей.

Моторизованные войска принесут большую пользу и при преследовании противника. Стремясь обогнать и зайти в тыл отходящим частям, они с успехом могут вести параллельное преследование по нескольким дорогам. И наоборот — те же моторизованные войска окажут упорное сопротивление преследованию со стороны противника преграждением и порчей путей.

Как видно, на долю моторизованных войск в значительной степени выпадут те боевые задачи, которые в предшествовавших войсках выполняла конница.

Итак, моторизованные войска в будущей войне найдут себе самое широкое применение. Создание таких войск при нынешнем развитии техники вполне осуществимо. Однако, на практике, при проведении в жизнь, идея моторизованных армий встретить на своем пути много препятствий.

Успех или не успех ее осуществления зависит прежде всего от экономического положения каждого государства. Поэтому ограниченность в денежных средствах всегда будет тормозить развитие моторизации любой армии.

Поскольку, вообще говоря, экономическое положение страны служит залогом успеха на войне, постольку финансовое расстройство и хозяйственное перенапряжение способствуют неудачам.

Формирование моторизованных войск, даже в ограниченных размерах требует больших средств еще в мирное время: такие войска по техническим условиям

нельзя создавать в момент объявления войны; они должны существовать, как и конница, еще в мирное время; Содержание их в полном порядке и на должной технической высоте будет обходиться государству очень дорого; на это никаких ресурсов не хватит. Военные бюджеты во всех странах ограничены пределами крайней необходимости и в государствах с парламентарным строем проводятся через законодательные органы с большим трудом. В наиболее выгодных условиях по развитию моторизации армий находятся такие державы, как Северо-Американские Соединенные Штаты и Великобритания.

С точки зрения боевого применения моторизованные войска не обладают пока абсолютными преимуществами. Скорость, развиваемая мотором, не всегда заменит подвижность лошади. Пересеченная местность, отсутствие хороших дорог, плохие мосты, глубокие реки, густые леса, болота и снега — все это представляет для моторизованных войск трудно-одолимые препятствия. Шум мотора, длина колонн, скученность машин при остановках и в пути до крайности затрудняют маскировку и мешают скрытности. Часть, погруженная на автомобили при неожиданном появлении противника, беспомощна и не в состоянии отразить удар. Поломка машин, порча мотора, недостаток горючего, также создают много затруднений. Однако „антимоторизационные настроения“ ни в коем случае не должны торжествовать, как и „фантастические идеи“ о предстоящих битвах „сухопутных флотилий“. Очевидно, истина лежит где-то посредине. В военном деле, как и во всем, надо соблюдать чувство меры.

„Страх перед моторизацией — пишет один немецкий военный исследователь — испытывают только те люди, которые имеют природные — или внушенные со стороны — предубеждения против техники вообще и им не хочется переучивать себя. Такие люди постоянно вставляют палки в колеса времени, но им никогда не удастся приостановить его бег“.

В русской армии техника не пользовалась особым почетом. Большинство старых генералов всю службу провели в полном разладе с техническими требованиями. Руководствовались больше старыми приемами — „времен Очакова и покорения Крыма“. За пренебрежение к технике приходилось расплачиваться на войне лишней кровью и лишними миллионами рублей. В век

магазинной винтовки и пулемета русского солдата все еще учили: „пуля — дура, штык — молодец“, совершенно упуская из виду, что во времена Суворова пуля, действительно, была дура, но к концу XIX века, когда изобрели скорострельное — и автоматическое ружье — Суворовскую поговорку надо было применять со смыслом, а не повторять буквально.

У казаков, как природных воинов, техническая сторона военного дела с самых древних времен пользовалась большим вниманием. Об этом свидетельствуют все войны и походы, в особенности достопамятное „Азовское сиденье“. Упадок техники в казачьих войсках начался с половины прошлого столетия, т.-е. как раз в тот период, когда техника начала идти вперед гигантскими шагами. В это время казаки окончательно были „повернуты в регулярство“ и казачьи части сделались нелюбимыми „пасынками русской армии“. Все население казачьих областей несло поголовную военную службу, но на улучшение служебных условий не обращалось должного внимания. Всякого рода технические усовершенствования, вводившиеся в русской армии, на казаков распространялись с большим опозданием. В великую войну против богато снабженного техническими средствами противника второочередные казачьи дивизии выступили без телефонов, без пулеметов, без шанцевого инструмента. К отпуску всего необходимого казачьим частям чинились всевозможные препятствия. В первое время даже подковы приходилось заводить на „хозяйственные суммы“ полков. Высшее начальство рассчитывало главным образом на казачью доблесть и находчивость, совершенно забывая о правильном снабжении и вооружении.

Казаки должны помнить, что в будущих войнах главную роль будет играть не количество войск, а их качество, которое определяется не только высоким моральным духом, но и хорошей техникой.

Идею небольших моторизованных армий надо усвоить твердо и при первой возможности провести в жизнь. На первых порах, в условиях войны в Восточной Европе и в Азии, широкое применение специальных моторизованных войск встретится с большими затруднениями. Зато откроются неограниченные возможности для конницы, организованной на правильных началах и снабженной всеми необходимыми для современного боя техническими средствами.

Агроном И. М. Евсиков. (Болгария).

О сельском хозяйстве Родных Краев.

Природа никого не обижает, наоборот, всех одаряет своими бесчисленными богатствами. Одни получают эти богатства в виде подземных залежей угля и разных руд, другие в виде многочисленных рек, озер и морей, третьи одарены обширными и богатыми дичью лесами и т. д. Мы, казаки, тоже не обижены природой; б.-может более щедро награждены ею, чем кто-либо другой. Если внимательно присмотреться, то можно увидеть у нас почти все виды, природных богатств. В наших реках и морях водится достаточное количество рыбы, в недрах земли находят все чаще и чаще (к сожалению, большей частью иностранцы) уголь, нефть и разные металлы, в наших красивых лесах не отсутствует, даже редко встречаемое дикое животное, как олень. Наши обширные ровные поля не лишены жирного чернозема, плодородие которого позволяло получать хорошие урожаи, даже при той низкой системе пользования им, которая у нас существовала до последних дней, да, вероятно, и теперь не изменилась. Области наши не лишены цветущих лугов и пастбищ. Все, все у нас есть!

По разным причинам, обыкновенно, какое-либо одно природное благо в каждой стране становится доминирующим над остальными. Соответственно этому, страна носит название или земледельческой, если главным занятием населения является земледелие, или стра-

ны добывающей промышленности, или страны обрабатывающей промышленности и т. д.

Наши Казачьи Земли по своей природе, т. е. по своему благоприятному для земледелия и скотоводства климату, по плодородию своих полей другого названия и не могут иметь, как только сельско-хозяйственной страны. Да и на самом деле, мы видим, что сельское хозяйство для казака было и есть главное занятие, а все остальное является ему только подспорьем. Вот на эту-то сторону наших краев, „житниц“, как их называют, нам и нужно обратить свое особенное внимание.

Все необходимые условия для развития сельского хозяйства у нас были налицо. Но, если сделать сравнение наших возможностей с другими странами, то оказывается, что наш урожай как в поле так и в садах, в огородах и виноградниках, если иногда и превышал средний, то довольно редко — в особенные урожайные года, а, как обыкновенное явление, доходы во всех отраслях сельского хозяйства стояли на высоте средних. Щедрая природа посылала нам свои блага почти даром, а мы их не умели брать, ибо некому было нас научить, показать, а собственных знаний было очень и очень недостаточно. Скучные знания наших отцов по сельскому хозяйству, являвшиеся когда-то непоколебимым авторитетом, в новейшее время уже не могли поставить сельское хозяйство на должную высо-

ту. Теперь-же, когда эти знания у нас превосходят отцовские во много раз, становится ясным и понятным то, что казалось раньше загадкой или неразрешимым вопросом. Да, мы были слепы, неучи — в этом главная причина наших низких доходов в главном нашем занятии — сельском хозяйстве.

Наши поля известны на всю Европу своею необыкновенно плодородною почвою, содержащей от 8—17% жирного чернозема. При таком большом проценте чернозема, мы были совершенно незнакомы, как с естественными, так и с искусственными удобрениями; да в них наш земледелец пока и не нуждался. О состоянии почвы наших полей красноречиво говорит обстоятельство, что у нас находят подходящие условия для своего процветания почти все виды культурных растений. Широкое распространение имеет у нас пшеница, гектолитровый вес которой достигает 80 кгр. (и которая являлась главным продуктом вывоза). Не менее распространен и подсолнечник, семена которого в большей своей части идут на нужды рынков. Здесь-же довольно сильно распространены: ячмень, овес и кукуруза с высоким качеством зерна, большая половина которых, а во многих хозяйствах почти все, идет на удовлетворение внутренних нужд самого хозяйства. Значительно в меньшей степени имеют распространение картофель, лен, конопля, гречиха, просо, вика и другие второстепенные культуры, которые реже являются продуктами торговли. Даже такие ценные растения, как табак, который требует песчаную почву и необходимую температуру за весь свой вегетационный период, находит себе место у нас. Твердо верю, что и хлопок, подтропическое растение, нужда которого в общем количестве тепла не превышает подобную нужду табака, прекрасно может распускать свои белые волокна под теплым солнцем наших южных полей.

Разведение скота, как необходимой живой силы в земледелии, практикуется на протяжении почти всей культурной площади земли. Как правило, каждый земледелец имел (до большевицкого хозяйничанья!) в своем хозяйстве одну или нескольких коров, а также скот, предназначенный для откармливания. В каждом дворе имелись свиньи, птицы, нередко овцы. Все это находило условия для своего существования в родных землях. Мы не были лишены и чисто промыслового скотоводства, которое для некоторой части населения составляло главное занятие. Всем известно, что на Дону существовали конные заводы, преподносившие нуждам населения хорошую расовую лошадь, что Сальские степи почти круглый год давали подножный корм многочисленным табунам. Также известно, что строевые лошади, большей частью, для кубанских казаков доставлялись кубанскими черкесами, которые считались знаатоками в подборе и разведении их.

Роскошно развивались у нас сады и виноградники, в которых целиком утопали наши станицы. Стоит только вспомнить цымлянские и анапские вина!

В меньшей мере у нас было развито пчеловодство, которое, все же, удовлетворяло нужды местного населения. Зачастую можно было встретить среди цветущих садов первобытные пасеки, которые, несмотря на свое такое состояние и часто отсутствие элементарных знаний у пчеловода были большим подспорьем в хозяйстве, при самой миним. затрате капитала и труда.

В самой незначительной степени в наших краях встречалось разведение шелковичных червей, несмотря на отличные для этого условия. Наше незнание не позволяло использовать безчисленное количество тутовых деревьев, листья которых являются продуктом питания шелковичных червей и которые за границей, в противоположность нашим обычаям, ценятся значительно.

Существованию всех указанных отраслей сельского хозяйства способствует климат наших областей, выражающийся сравнительно высокой средней годовой температурой и достаточным, правильно распределенным

по сезонам, количеством атмосферной влаги. Приблизительные метеорологические данные говорят, что в среднем за год выпадает около 1.000 мм. влаги, а этого количества вполне достаточно, чтобы удовлетворить нужды земледельческих культур. Думаю, что будет достаточно для охарактеризования нашего климата, если укажу, что в южных областях можно встретить в естественном своем виде произрастание чисто подтропических растений, как лимонов, пальм и др.

Не менее важным фактором, способствующим развитию сельского хозяйства, является врожденный характер самого казака-земледеца. Своеобразный уклад казачьей жизни развивает много хороших черт его характера. Помимо врожденного гостеприимства, честного исполнения своих обязанностей по отношению к обществу, прямоты, у казака ярко сказываются и другие достоинства: трудолюбие, сообразительность и умение приспосабливаться. Многие государства приглашают теперь казаков-эмигрантов на работы, предпочитая их другим. В последнее время Франция увидела в лице казака-эмигранта полезного ей работника в сельском хозяйстве, почему всегда с большим удовольствием французы сдают им свои фермы и имения в аренду.

Да, много было данных, но... все-таки наши доходы не имели достаточной высоты. Если припомним, что казак с десятины получал в среднем 80—100 пудов пшеницы сравним с урожаем одного декара, хотя бы даже, в Болгарии, которая достигает едва среднего положения в Европе в отношении развития сельского хозяйства, то получим следующие результаты: с 1 десятины на Кубани получают 80—100 пуд. (1 десятина равна приблизительно 10 декарам и 1 пуд равен прибл. 16 кгр.), т. е. с одного декара — 128—160 кгр. пшеницы, а в Болгарии, где часто свирепствует большая суша, где совершенно отсутствуют черноземные почвы, с одного декара, по моим наблюдениям, крестьяне получают 150—200 кгр.

Почему-же, невольно встает вопрос. Повторяю, от нашего незнания, от нашей слепоты и от отсутствия у нас учителей. А ведь нужно немного для этого, чтобы удвоить производительность земли и доходы в остальных отраслях сельского хозяйства. Припоминается мне один год на Кубани, средний по урожайности, когда один участок, соседний с нашим, не принес абсолютно никакого дохода, в то время как урожай нашего участка, тесно соприкасающегося с неурожайным, был самым обыкновенным. Спрашивается, почему же такая разница? Ведь нельзя-же думать, что у соседа была совсем другая почва; как по линейке отрезало соседний участок от нашего, неурожайный от нормального. В чем-же дело? И вот, на этот вопрос тогда я не мог найти ответа, теперь же все это ясно. Нужно-бы было хозяину соседнего участка сказать: сделай раннюю мелкую вспашку, чтобы уничтожить сорные травы и разрушить земные капилляры и тем самым задержать почвенную влагу от испарения; очисти для посева семена, т. е. не вноси опять в почву семена сорных трав, идущих вместе с семенами культурного растения; сделай, затем, хорошо глубокую вспашку — и все. Сделай он это, доход был-бы уже обезпечен.

Слово „лущенье“, (ранняя и мелкая вспашка), казакам было совершенно неизвестным, а так-же неизвестно было и ее огромная полезность. Вначале теория, а позднее практика доказали, что лущенье есть одна из главных полевых операций, применимая в равной степени как для яровых так и для озимых посевов.

Вспоминаю, так-же наш обычай, когда казак-земледелец для посева употреблял неочищенные семена, дабы избежать излишних расходов по хозяйству, а с теми вместе шли и семена сорных трав, которые потом приводили самого же хозяина в изумление своим появлением. Только в последние годы очистка семян понемногу входила, как правило, в практику хозяина.

(Окончание следует).

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Думы и мысли казачьи.

„По личной инициативе“.

Я чигаю, а Сава - хуторец, погупив взор в землю, слушает. Слушает и то и дело нервно сплевывает застревающий на зубах плохой табак папироски. А читаю я большую случайно попавшуюся нам книгу. Книгу „доброе старого времени“, на крышке которой написано большими буквами: „А. Матковский, Генерального Штаба подполковник. Правитель дел по учебной части офицерской кавалерийской школы. Самостоятельные действия крупных сил конницы на крыльях и в тылу неприятельских армий. С.-Петербург, 1911“.

Автор говорит о необходимом усилении крупных сил конницы конной артиллерией и пулеметами. А Сава всплескивает руками и искренно удивляется необыкновенной наивности и слепоте „правителя дел по учебной части“.

— И только? восклицает он, подняв глаза на меня, видно, не думал этот писака, что будет через 7—8 лет. Про маскировку „зелеными ветками“ давно уже забыли. Все делалось в открытую, без всяких „по учебной части“ усавов. А когда надо, колона в момент разворачивалась и из нее, как из мешка, высыпались бронированные автомобили, танки (о самотатках и говорить нечего; и полеметы на тачанках“.

Когда говорилось о значении кавалерийского вождя и автор много останавливался на ген. Мищенко, как на одном из более выдающихся кавалерийских начальников крупнейших набегов русской кавалерии (разговор идет за русско-японскую войну), то сетованию Сава не было предела.

— Вы посмотрите. Человек не имел никакого понятия о кавалерии, а ворочил всей конницей. А-ль не было кавалеристов? Потому и нахлопали России в японскую войну...

Дошли до набега на Инкоу (27 дек. 1904—3 янв. 1905). Тут Сава при первом напоминании об Инкоу, как-то больно сѣкился и моментально замер, наклонившись еще ниже. И долго, так грустно согнувшись, сидел он. Да и было о чем погрузиться...

Никогда не забудет Сава холодный, с сивиркой январский вечер этого злосчастного 905 года. Струхивая с себя полову после уборки скотины и улыбаясь предстоящим вечерним „ѣрушкам“ у зазнобы — Маланьи, он вдруг услышал страшный визг своей матери, которая, сбежав с приступок куреня без платка — развизки, в одних вязаных белых шерстяных чулках, опрометью летела, снотыкаясь, в большой дворок, прямо к Саве. Помнит Сава, что мать не плакала, а как-то хрипела своим задущенным, kloкочущим горлом, конвульсивно вздрагивая и странно махая руками.

— Логвечка, Логвечка, — выкрикивала обезумевшая мать, приближаясь к Саве.

Потерялся Сава, увидев мать в таком необыкновенном виде. Он чувствовал, что страшно что-то страшное, непоправимое, и, на ходу подпоясываясь своим широким красным поясом, поспешно выскочил из половника навстречу взвизгивающим „благим матом“ матери. Мать, добежав до Сава, молча повисла ему на шею и забила, как в судорге. С большим трудом удалось Саве разжать застывшие руки матери. А когда разжал, мать, лишившись опоры, зашаталась и стала валиться на холодный, глубокий снег. Тогда взвалив ее, безжизненную, на свои крепкие, молодые плечи, Сава, не помня себя от страха, направился с ней к куреню. Дома никого не было. Но, войдя в теплушку и уложив мать на широкую деревянную кровать, Сава увидел на столе письмо. Оказалось, что это-то письмо и было причиной обморока матери. Писал сосед и однополчанин Логвина, брата Сава. Писал из Действующей Армии. После безчисленных низких поклонов родителям, жене, детям и всему хутору, Сава прочитал и о Логвине: „В добрый час сказать, — читал он. „Мы все живы и здоровы“. Только одного дорогого нашего соседа, Логвина Васильевича не находится. Неизвестно где делся после ночной атаки на станцию Инкоу. Продадут его коня и деньги высылают семье...“

Вечером поздней, когда собралась в курень вся семья, а также и родные, сплошной раздирающий душу плач стоял до самого утра. Мать бредила, все повторяя: „Логвечка, Логвечка. Сыночек мой кровный“. Отец, притихнув на минуту, снова заливался, поднимая мокрые глаза на святой угол. А невестка, жена Лавина, не плакала, а ревела, качая в красной боновой люльке годовалого Мишутку. Держа в одной руке карточку мужа, она жутко причитывала, то и дело наклоняясь то к карточке, то к болтавшему рученками и ноженками Мишутке.

Слишком тяжело было оставаться в стонущем курене, так жутко освещенном сиротливым огнем среди тихого темного хутора, и Сава, не выдержав, поспешил на двор, в половник, безпрестанно бормоча душившим его горлом: „Братуша, братуша“. А добежав, повалился на мягкую полову и дико застонал. И только молодой теленок, копошившийся на полове, был единственным свидетелем того града тяжелых убитого горем Сава слез, который пролился в эту жуткую и темную январскую ночь...

— Потери отряда, — читаю я: „за время набега составили убитыми 7 офицеров и 73 нижних чина, ранеными — 33 офицера и 252 нижних чина; без вести пропавших — 36 ниж. чинов.“

— Вот тут-то и Логвин в числе этих 36 ниж. чинов, без вести пропавших, — грустно отозвался Сава, подняв на меня мокрые глаза. — А мать, бедняжка до самой смерти все ждала. Все ей казалось, что так или иначе, а придет домой. И все представляла, что придет почему-то обязательно ночью. Придет, когда никто не видит, и постучится в окно...

— Как видно, русская конница, даже и казачья, в руках современных вождей ее, утратила совершенно сноровки великой, по своему значению, партизанской войны, состоявшей когда-то нашу сильную сторону, — читаю я.

— Да что толку с того, что вожди виноваты? — рассердился Сава. — А брата-то ведь нет. На веки без вести пропал.

Второй набег на Факумынь (4—11 мая 1905 г.). И тоже из неудачных. Причины те же. — „Не условия обстановки делали успех предприятия невозможным, а наши, собственные промахи. А „собственные промахи“ все были сконцентрированы в лице того же пресловутого „героя“ русско-японской войны, ген. Мищенко, конный отряд которого то и дело „неожиданно“ нарывался на противника и „внезапно“ им атакывался. Так с „неожиданно“ обнаружившимся противником в дер. Тасинтунь Мищенко целую ночь ведет бой, лично им руководя, и после „разрозненности действий и успешного сопротивления японцев“ решил отказаться от продолжения боя и перейти для ночлега в другую деревню. — „Однако д. Тасинтунь была взята по личной инициативе двух сотенных командиров: 5 Уральского полка, подѣсаула Зеленцова и 1 Сунженско-Владикавказского полка, подѣсаула Филиппова. При этом была захвачена в плен целая рота японцев с 4 офицерами“.

— Интересно знать, — отозвался разгневанный Сава. Не судили ли этих сотенных командиров за их „личную инициативу?“ Думаю, что результат ее не очень-то по сердцу пришелся ген. Мищенко. Человек всю ночь танцевал с целым отрядом и не мог ничего сделать. А тут ударили на „личную инициативу“, — и на тебе. Должно быть уже так допекло казаков, что они предпочли безопасный нечлег атаке“...

Читаю дальше о действии того же конного отряда у д. Уззяганца (12 янв. 1905 г.). И эта атака также, как и все предыдущие, обречена на полный неуспех. — „Видя разрозненность и вялость наших действий,“ — ген. Мищенко отдал приказ о ее прекращении. „Но в это время 1 сотня Донского казачьего полка по собственной инициативе бросилась в атаку. И вот этой мужественной попытке ничтожной части всей нашей колонны было созершено достаточно, чтобы японцы обратились в бегство“...

— Видно, что только там и был успех, где шло „по собственной инициативе“, — отозвался Сава и, плюнув, швырнул папироску в угол...

Перекинув несколько страниц проэктируемого автором уставного содержания о набегах конницы, я остановился на „Самостоятельных работах нашей конницы во время Бородинского сражения“.

— Что касается до генерала Платова, — читал я: „то он со своими казаками оказался на высоте своего призвания. Он первый ясно понял значение действия крупными силами конницы на левом крыле и в тылу французов и донес об этом Кутузову. И то, что сделала наша конница, в особенности казаки Платова, принесло пользу другим войскам и общему делу...“

— Это так понятно, что не нужно и доказывать, — вставил Сава. Все дело в том, что казаки со своим начальником-казак. А казак — природный кавалерист, — и потому больше понимает в кавалерийском деле, чем ребята Мищенки. У казаков „разрозненности“ не будет. Лишь бы им не мешали. Не устав им помогает, а их, казачье чутье и взаимное понимание друг друга...

— Не отзови Кутузов Платова, вернее не удержи-

вай его, — продолжал я: „может быть, даже участь всего Бородинского сражения была бы иная...“

— Ну, окончательно договорился. Это какой-то не похож на нынешних писак. Откровенно признается, — заключил Сава, раздеваясь...

Закрыв книгу, и я начал приготавливаться ко сну. Под впечатлением прочитанного, долго не спали и то и дело ворочались с бока на бок.

— Я думаю, что в эту, красную войну нам больше, чем когда-либо нужно было действовать „по личной инициативе“, черкнув в темноте спичку, отозвался Сава: „Нет, на же. Связались ни к селу ни к городу с „единой и неделимой“, а своего, казачьего сердца-то и не послушались. Вот и вышло, что сидим тут вместе с „единым командованием“. Мы тюкаем уголь, а оно нас „описывает“. Угодили...“

Кто бы мог на моем месте не согласиться с мнением хуторца Савы? И, засыпая, я только думал об одном, чтобы хотя в будущем не обошел нас Бог нашей „личной казачьей инициативой“...

В. П. Елисеев (В. Петров).

Румыния.

Международная жизнь.

„Перед концом Славянства“.

В большой и влиятельной Белградской газете „Политика“ 3 января с. г. была помещена передовая статья под названием „Перед концом Славянства“, которую, ввиду ее несомненного интереса, приводим в переводе ниже полностью.

В своей книге: „шесть тяжелых лет“ Сазонов утверждает, что внешняя политика России никогда не была проникнута идеей панславизма. В русских массах жило чувство славянской солидарности, с которым царское правительство должно было считаться. Но никакого стремления к собиранию всех славян в одно великое государство определенно никогда не выявлялось. По Сазонову, само название „панславизм“ выдуман противниками русской внешней политики, чтобы легче было с нею бороться. Это констатирование б. русского министра иностранных дел безусловно точно. Опасность от панславизма — было простым наговором Англии, Германии и Австро-Венгрии противившихся основным целям царской России. Великой европейской задачей той России, по Сазонову, было: добыть свободный выход в Средиземное море. Работая над осуществлением этой задачи, она защищала независимость балканских народов. В глазах русских политических деятелей принцип той независимости „не имел только одного морального значения“. Одновременно защищались и жизненные интересы Русской Империи, говорит Сазонов. Так как ясно: что путем этой независимости можно было гораздо легче овладеть проливами. Больше того, та „независимость балканских народов“ препятствовала противникам России самим обосноваться на той стороне. Потому-то царская Россия в своей политике и не подчеркивала особенно защиту славян. Ей больше по вкусу был клич: на защиту православия. Так как на пути к Царьграду были и не славянские, а православные земли. Было бы ошибочно заключить из этого, что русские политические деятели в европейской политике интересовались всегда и только проливами. Сазонов на нескольких страницах своей книги описывает и те симпатии, которые Россия питала к чехам. Но весьма вероятно, что в основании тех симпатий было больше желания ослабления Австро-Венгрии на Балканах, как противницы России. Между тем, Масарик в своей книге о „Мировой Революции“ говорит, что он ни до войны, ни за время войны не находил в России представления о славянстве, как о целом. Поскольку-же тогда вообще о славянстве говорилось — говорилось только о православной его части. И Масарик приводит много официальных речей и сообщений, на основании которых заключает, что Славянство для

России было лишь — дорога к Константинополю. В этом смысле характерен разговор, который Сазонов имел с царем, когда докладывал ему о ультиматуме Венского правительства Сербии. Сазонов утверждает, что царь никак не мог решиться подписать указ о мобилизации, которая, конечно, значила войну. Царь говорил, что он приходит в ужас от мысли, что его решение может стоять жизни сотням тысяч людей. Как важнейший довод за войну Сазонов привел, что Германия и Австро-Венгрия раздают одного природного союзника России на Балканах, и Россия утратит свой престиж Великой Державы и свое историческое влияние на Балканах. И царь поколебался пред доводами своего министра иностранных дел и подписал указ о мобилизации.

Ни в тот трагический момент, ни в позднейших приказах по армии не было ни слова о Славянстве. В одном из таких приказов он говорит о Константинополе, как о великой задаче русского народа. Из всего этого получается впечатление, что и сам царь не очень то считался со славянскими чувствами народных масс, о которых говорит Сазонов. Недавний публичный доклад Миллюкова в Праге „о России и Славянстве“ дал повод русской зарубежной печати позабавиться этим вопросом. Миллюков от имени русской демократии возвышал освобождение Чехословакии, — выразившись при том, что своему восстановлению Чехословацкая Республика обязана главным образом отсутствию России на мировой конференции. Миллюков не развил подробнее эту мысль, которая на первый взгляд кажется парадоксальной, но которая, в главном, все-же отвечает настроению, господствовавшему на той конференции.

Прежде всего, мало вероятно, чтобы сама царская Россия серьезно бы вступилась за полную независимость всех славянских народов. Особенно тяжело было-бы Польше добиться удовлетворения своих требований не только в смысле границ, но и в смысле своей независимости. Супило за время своего долгого пребывания в Петербурге (в 1915 г.) вынес впечатление, что там никто не выказывает особенного расположения за образование Югославии. Со своей стороны Масарик через всю свою книгу „Мировая Революция“ проводит идею, что освобождение Чехословакии не было намерением России. Очень вероятно, что при переговорах, Петербургское правительство многими важными интересами малых славянских народов должно было жертвовать в пользу своих великих целей. Конечно, те интересы были-бы не лучше приемлемы в Париже и тогда, когда бы Россия энергично стала на их защиту. Наоборот, беспокойство царской России о будущем

Славянства пробудило бы у Западных Держав недоверие к панславизму. Было-бы невозможно отделить славянское дело от планов России усилить свое положение в Европе. Без сомнения, отсутствие ее на переговорах в Париже, сделало возможным заключение их без серьезных осложнений. Если-бы русское правительство было в состоянии выступить на мировой конференции со своими требованиями на Балканах и в Азии — осложнения были бы неизбежны. И, не будет большой ошибкой утверждать, что и оправданные стремления славянских народов были-бы при этом значительно урезаны. Следовательно, парадокс Милюкова относительно образования Чехословакии относится и к остальному славянству. Милюков этого не утверждает, но ясно, что освобождение Польши и объединение Югославии на мирной конференции осуществилось бы гораздо труднее, если бы на ней присутствовала и Россия.

Известный русский публицист Струве начал издавать в Париже журнал: „Россия и Славянство“. Задача того журнала — доказать необходимость восстановления бывшей силы России в интересах Славянства. Разумеется, между другими великими поборниками всеславянской идеи в том журнале работает и известный чешский политический деятель Крамарж. В одной своей статье, возбуждавшей общий интерес, он указывает на взаимность, которая существует между будущностью славянства и мировой русской политикой. Он говорит, что отдельные славянские народы могут осуществлять между собою различные комбинации, но ими не решается славянский вопрос. Сделать из Славянства одно целое и противопоставить его другим международным факторам возможно лишь при участии России. Если славянским государствам в будущем потребна великая, сильная Россия, то ныне русскому народу не менее потребна их помощь. Конечно, славянские народы в данный момент не могут непосредственно работать над свержением большевистского режима. но, во всяком случае, они должны избегать делать все то, что тот режим укрепляет. В первую очередь абсолютно не смеют заключать с ним каких-бы то ни было соглашения. Крамарж думает, что русский народ, освободившись, будет строго учитывать, что для него сделали отдельные славянские державы в его тяжелые минуты. На этот современной взаимности между русским народом, который страдает и славянскими державами, которые ему в борьбе помогают, — строится будущность славянства. Эти рассуждения великого панслависта совершенно в духе всей его 10 летней политической деятельности.

Казачья эмиграция.

Десятилетие.

Председатель „Казачьего Союза“ во Франции просит нас поместить в очередном номере „В. К.“ нижеследующее:

Во второй половине февраля этого года исполняется десять лет непрерывной работы А. П. Богаевского на высшем казачьем посту Атамана старейшего Донского Казачьего Войска.

Казачьи организации — как Донские, так и других войск — предполагают в субботу 23 февраля или в воскресенье 24-го отслужить молебен с участием Донского Казачьего хора под управлением С. А. Жарова и устроить по подписке банкет.

Ожидаются делегации из провинции от казачьих организаций, находящихся во Франции; начинают уже поступать адреса и приветствия из других стран.

Цаган у калмыков.

Глубокоуважаемые и дорогие братья-калмыки, станичники.

Объединившаяся почти 6 лет тому назад в Чехословацкой Республике под знаменем национально-культурного возрождения Калмыцкого народа группа калмыч-

Между тем, вопрос еще — насколько и вообще то была ли бы какая польза Славянству от восстановления великой, сильной России? Ибо ныне доказанный факт, что Славянство, как целое — результат русских империалистических вожделений. Оно не имеет никакого исторического обоснования. Во всяком случае не более, нежели Латинство. И все же никто ныне серьезно не помышляет об обновлении какого-то латинского целого. Наши отношения с Болгарией. Большое недоверие старой и новой России к Польше, а особенно столкновение Белграда с Загребом — доказательства, что понятие Славянства никак не является каким-либо серьезным политическим фактором. Этим представлением могут время от времени воодушевляться поэты и лингвисты. Как международное политическое понятие оно имело свое выражение постольку, поскольку это отвечало интересам Петербургского правительства. Совершенно проблематично предполагать, что восстановление России, как великой силы — вообще повлечет за собою и возобновление понятия Славянства, как целого. Славянские народы ныне освобождены. Имеют свои жизненные интересы, связывающие их с Западными Державами. Появление России, как силы с империалистическими стремлениями внесло бы в ту связь большое замешательство. Трудно ожидать, чтобы славянские земли в пользу какого-то неопределенного славянского чувства захотели жертвовать теми новыми связями с Западом. Конечно, России никто не может помешать опять появиться в Европе, как силы с ясно выраженными претензиями за продвижение к югу. Но славянские народы ни на той стороне, ни на Западе не будут уже поступать на службу такой русской политике. Распад Турции и Австро-Венгрии, демократизация Германии — подкопали основу Славянства, как международного фактора. Милован Милованович в одной из своих политических работ написал, что Россия будет природным союзником славянских балканских народов до тех пор, пока не завладеет Царьградом. Этот великий сербский политический деятель не мог предвидеть, что славянские балканские земли освободятся прежде, нежели Россия осуществит свою цель. Если-бы он это мог предвидеть — он бы безусловно пришел к заключению, что распад Турции и Австро-Венгрии — является концом тесных политических связей России с остальными славянскими землями. Вместо единства интересов остается в тех землях по отношению к России еще только чувство известной благодарности. Но это чувство никогда и нигде не было серьезным дипломатическим инструментом“.

ких культурных деятелей под именем „Калмыцкая Комиссия Культурных Работников в Чехословакии“ по случаю нашего национального годового калмыцкого праздника — Цаган, — имеющего быть 10-11-12 февраля с. г., приносит свое душевное, братское поздравление всем своим братьям, сестрам калмыкам станичникам, станичницам, пребывающим на чужбине, в эмиграции и от души желаем всем своим дорогим и милым братьям и сестрам радостно, благополучно отпраздновать родной Праздник.

Пусть этот Цаган проводят здесь, на чужбине, но да будет суждено всем нам будущий Цаган встретить в своих родных Краях, среди своего родного Народа, свободного от нынешней большевистско-коммунистической власти, под гнетом, ярмом коей продолжают тяжело страдать не один наш Народ.

Председатель **Б. Уланов.**

Товарищ Председателя **С. Баянов.**

Секретарь **Ш. Балинов.**

Члены Комиссии: Д. Ремелев, Эр. Николаев, С. Степанов, С. Балыков, Э. Бурульдушов, Б. Бембетов, М. Даржинов, С. Далантинов, Д. Тюльтинов, Г. Владинов. Д. Баянов.

„Король лезгинки“.

В поздний ночной час в сонных улицах Монте-Карло на фоне красных электрических лампочек резко бросаются в глаза яркие афиши и ослепительные вывески: „Абрек“, „Аул“, „Яр“, „Шехерезада“...

Все это ночные кафе-шантаны, куда стекаются на мощных машинах утомленные крупными ставками в Казино современные „хозяева“ жизни, чтобы здесь под экзотические звуки джаза и за бутылкой шампанского забыться до утра.

Заманчивый аншлаг у „Абрека“ привлекает мое внимание. Подхожу ближе, читаю:

„Orientale halle“ — пенье, танцы, музыка, всю ночь. Исключительная программа!

Следует перечень артистических сил. Внизу крупными буквами написано: „король лезгинки — казак Жуков“.

Король лезгинки.

Фамилия довольно знакомая и, кажется, встречалась в казачьей эмиграции.

Швейцар в золотом шитой ливрее заговаривает со мной по английски. Я задаю вопрос по русски.

— Скажите пожалуйста: танцует лезгинку настоящий казак, или же переодетый артист?

Вопрос вполне допустимый, ибо под маркой казаков частенько выступают и русские.

— Самый настоящий! у нас без подделок! — гордо заявляет швейцар.

— А можно мне его видеть?

— Конечно! Я сейчас вызову.

Через минуту появляясь в красной черкеске с туго перетянутой тонкой талией, в белой шапке, с кинжалом из слоновой кости с золотой насечкой, молодой красивый улыбающийся „король“.

Увидев меня, бросается в объятия и засыпает всевозможными вопросами.

Оказывается, я давно знаком с „королем“; познакомился с ним еще тогда, когда он только что начинал

постигать хореографическое искусство и далек был от мысли сделать надлежащую карьеру в этой области.

— Да что мы стоим здесь на холоде, пойдёмте вниз, будьте моим гостем! — любезно предлагает он и, взяв меня под руку, ведет по узкой винтовой лестнице в подвал, красиво декорированный дорогими персидскими коврами и куклами в различного цвета черкесках.

Налево американский бар, направо за тяжелой портьерой зал.

„Очи черныя, очи жгучия!“ — доносится до моего слуха надорванный женский голос.

Началась программа. Это — исполнительница цыганских романсов.

В полумраке сажусь за артистический столик, вместе с „королем“. Знакомлюсь с артистами и пью предложенное мне вино.

— И так всю ночь? — спрашиваю земляка.

Да! Вот еще один номер, а потом зажгут свет и начнется джаз и фокстроты... а потом опять программа.

— Когда же вы будете танцевать?

— Вероятно, позднее, когда больше соберется публики. Я выступаю только один раз. Иногда приходится кружиться до одурения, если весело настроенная публика требует лезгинку. Конечно, за это особая плата.

— В Монте-Карло еще есть казаки?

— Нет! На все княжество один я. Есть осетины и кабардинцы, но они не пользуются у публики успехом. Пластика и красиво развернутые рукава отошли в область преданий. Любители сильных ощущений жаждут видеть во время лезгинки бросание кинжалов.

— Вы танцуете с кинжалами?

— Да — с двенадцатью.

За разговором так быстро прошло время, что не заметил даже как зал наполнился до отказа и публика, закусывая жареным миндалем, опустошала бутылки шампани.

Опять тухнет свет. Только лампочки, искусно устроенные под столами дают возможность различать лица соседей. В левом верхнем углу загорается миниатюрный прожектор, направляя сноп нежных лучей на середину зала. Музыка играет лезгинку.

„Король“ со свистом выскакивает в зал, описывает круг, как бы оглядывая сидящих за столиками, встает на носки и под усиливающийся темп оркестра словно балерина кружится в вихре лихого кавказского танца. Так продолжается две-три минуты.

— Замри! кричит „король“ в сторону оркестра.

Музыка замирает... „Король“, разукрасив себя блестящими кинжалами начинает метать их на пробковую доску. Какой то американец нетвердыми шагами идет на середину зала и кладет на доску вчетверо сложенный стофранковый билет. Один шаг и два кинжала впиваются в шелковистую бумагу. Взрыв аплодисментов, громовое „браво“ и страстные глаза эксцентричных американок сопровождают танцора.

„Король“ слегка бледный садится за столик.

— Устали? — спрашиваю.

Немного... Тяжело ходить все время на носках. Ногти на больших пальцах уже слезли, приходится подкладывать вату.

— Часто кладут вам деньги на доску?

— Очень. Они заключают между собой пари: кто проиграет, тот оплачивает счет. На днях один англичанин положил тысячефранковый билет свернутый в восемь раз. Десять кинжалов поставил около и только одиннадцатым попал в цель!

— Вероятно, болят губы от подобных упражнений?

— Уже привык. Все лучше, чем работать с киркой!

— После такой веселой жизни вам не захочется жить в скучных станицах?

— Наоборот! Я свою Ново-Суворовскую не променяю ни на какое Монте-Карло!

— Надолго здесь?

— До конца сезона, а потом в Биарриц, Туке-пляж, Париж...

Я собираюсь уходить. „Король“ провожает меня на улицу. С моря показываются первые лучи утреннего солнца.

— А вот это передайте в редакцию „Вольное Казачество“, — говорит он, протягивая мне свою фотографию.

Мы простились.

Сергей Макеев.

Хор Жарова в Югославии.

Новый Сад.

19/1 прибыл хор Жарова. Хор встречен на станции хором казаков трубачей ген. Павличенко. После концерта Новосадцами казаками хору был устроен банкет. В три часа ночи хор выехал в Белград.

Встреча Хора в Белграде.

Утром 20-го января хор встретили: Председатель Тер. Правительства Е. А. Букановский, Атаман Кубанской Сидора Билого станицы П. И. Курганский, Начальник Поход. Штаба Куб. Каз. Войска полк. М. К. Соламахин и представитель журнала „Вольное Казачество“. Собравшиеся приветствовали казаков с благополучным прибытием и выражением искренней казачьей благодарности за ту славу, которая бежит по свету о казачьем искусстве.

Белград.

20/1 в державном театре в 11 час. хором дон. казаков под управлением Жарова был дан концерт. Успех колоссален. Завтра в 5 час. казаки приглашены во дворец.

(Соб. кор.)

Казаки и фильм.

(Из Белграда).

В кино Корзо, где не так давно шла картина „Казаки“, сейчас идет „Волга, Волга“. Интересный исторический сюжет в картине довольно красочно использован. Сам Степан Тимофеевич Разин немного не точен, будучи представлен блондином и клинушкой-бородкой, все это вместо „Кудри черные, как смоль“ и „борода-лопаты“. Разин слишком интеллигентен и мягкосердечен в фильме. Все-же картина резко разошлась с российским мнением о нем, как о „разбойнике“ и „воре“.

В погоне за „лучшими русскими людьми“.

26. I. с. г. было годовое собрание „казачьего отдела“ при объединении русских, окончивших высшие учебные заведения в ЧСР.

Для вывески во вне ОРОВУЗ'а необходимо иметь в своей среде казаков, дабы сказать „где полагается“, что „настоящие“ де казаки с нами. В первых числах февраля должно быть годовое собрание ОРОВУЗ'а на котором необходимо было бы продемонстрировать „трогательное“ единение казаков с русскими.

ОРОВУЗ посмотрел в свой арсенал, казаков оказалось мало — нужно было вербовать „лучших русских людей“.

„Вожак“ (имя которых нет необходимости приводить на страницах нашего журнала: они давно попали в списки сменеховцев) буквально хватала для „большинства“ с улицы, — тут и окончившие и не окончившие ВУЗ'ы, учащиеся и не учащиеся и даже... пьяные и ничего общего с казачествами неимеющие лица. Но удалось собрать только 7 „лучших русских людей“, принадлежащих к указанной выше категории.

В итоге списочный и наличный состав „единенцев“ выразился в 22 человека.

Возьмем характерный факт из этого „собрания“.

Многие из присутствующих на собрании, не зная своей роли в этой „игре“, были в полном недоумении. Это выразилось в запросе ст. Каменова, который просил присутствовавшего на собрании председателя ОРОВУЗ'а некоего В. Чеботарева, ознакомить с ролью „казачьего отдела“.

В. Чеботарев приоткрыл подоплеку существования „казачьего отдела“ при ОРОВУЗ'е.

„Дабы парализовать сепаратистские действия среди казаков и указать иностранцам, что казаки с

нами. Мы даем казакам привилегированное положение внутри ОРОВУЗ'а, но только внутри, во вне же его легализовать нет смысла, иначе нарушилась бы гармония единства...“

... Далее „казачий отдел“ есть противовес союза казаков, окончивших ВУЗ, этой враждебной ОРОВУЗ'у организации...“

Вот назначение „казачьего отдела“!

Казакам будут предписываться директивы борьбы со „враждебной“ казачьей же организации СКОВУЗ.

В. Г.

Р. С. В последнее время отмечен уход из „казачьего отдела“ его членов.

В. Г.

Новый журнал.

Как сообщают из Парнжа, в конце февраля выйдет новый ежемесячный казачий журнал: „Родимый Край“ — с отделами литературным, историческим и бытовым. Большое место отводится связи с казачьими краями. Редактор нового журнала — Н. М. Мельников, издатель — Правление Казачьего Союза.

Еще один.

В Белградском госпитале 18 декабря умер от брюшного тифа старший урядник Кубанского Каз. Войска, станицы Переясловской, Семен Трофимович Галушка, 44 лет от роду.

Не суждено ему Богом дожидать воскресения дорогой Родины Матери-Кубани. Вечная тебе память, дорогой станичник, и сослуживец. Да будет тебе легка братская земля.

Войск. Старшина Я.

Письмо в Редакцию.

М. Г., Господин Редактор!

Прошу Вас поместить в Вашем уважаемом журнале мое заявление о том, что я с сего 23 января 1929 года выхожу из членов Литературной Казачьей Семьи. Мой архив, находящийся в семье, прошу принять к себе на хранение ген. лейт. Т. М. Старикова.

Белград.

Борис Кундрючков.

На защиту Прародителей.

[Письмо в редакцию].

На всем протяжении существования Казачества, Войсковой народный праздник Земли Войска Донского праздновался в день Покрова Пресвятыя Богородицы 14 октября каждого года. В этот день мертвым панихида — живым молебен. В этот день — отдача воинских почестей защитникам Дикого поля и героям Азовского сидения. В 1928 г. это празднование в Париже было перенесено с 14 на 21 октября (см. объявления в газ. „П. Новости“ и „Возрождение“). Взад ни молебны ни панихиды никто не служит. Есть народная пословица: дорого яичко к Велику дню. Кто смел сдвинуть могилы наших предков, дедов и отцов?! Кто смел кощунствовать над теми костями, которых мы еще не достойны!? Кто смел оставить вечный стыд живым и на веки осрамить могилы?! Фарисеи! Где ваши Мытари?! Вы рассеяли их по целому свету и превратили их из степных орлов в рабов не признанных фараонов. Вы на соборной площади перед Св. Крестом и Св. Евангелием клялись честно и не лицемерно служить своему Отечеству. (См. текст присяги и постановление Б. В. Круга 1918 г. 15 сентября). Ныне присягу, Св. Крест и Св. Евангелие превратили „впредь“ и „до“ и шалите костями своих Прародителей...“

Пусть зажженная казаками лампада жур. „Вольное Казачество“ будет неугасимым светильником над могилами наших прародителей. Пусть светильник правды освещает пути нам и будущим потомкам Казачества от Юга до Востока. На каплю светильника жур. „Вольного

Казачества" обязуюсь ежемесячно вносить, кроме подписной платы 5 фр. За январь и февраль вношу 10 фр.

27. I. 1929. Франция.

Скобелин.

Р. С. Прошу поместить под статьей примечание: В № 16—17 Вестника на Май и Август 1928 г. напоминают казакам, что Войсковые праздники будут отпразднованы 14 октября, но фактически в Париже, праздновались 21 октября, как я упомянул в статье. Со статьей в защиту Прародителей я несколько опоздал, ибо думал, что вкравшуюся ошибку в № 16—17 В., в очередном Вестнике исправят. Оказалось, что в № 18—19 В. за Сентябрь — Декабрь эта ошибка не была исправлена...

Скобелин.

Казаки о „Вольном Казачестве.“

...Случайно я встретил Ваш журнал „Вольное Казачество“. Прочитав более 10 номеров, им заинтересовался и убедился, что направление журнала вполне отвечает настроению большинства Казачества (только не прилипших к Казачеству, и не тех казаков, которые с 1917 по 1920 г. разваливали Казачество, ходили на запятках у г. Деникина). Я был членом казачьего съезда на Дону в апреле месяце 1917 г. и потом членом

всех Войсковых Кругов Донского Войска до 1920 г. и потому хорошо знаю всех тех лиц, которые желали не добра Казачеству и дать ему свободу и старые казачьи права, добытые нашими дедами и отцами, а опять таки подчинить Казачество Москве...

Вспомним последнее время: пришли на Дон во время революции, тихо смирно формировались и были с казаками очень в хороших отношениях...

Когда же чуть оправились, то давай подвешивать казаков на два столба с перекладиной, за то только, что он высказал мнение большинства казаков, — да не то что рядовых казаков, а представителя известного населения. Это хороший показатель того, как уважают казачьи права те, кто думал или думает стать во главе государственного управления. Неужели-же мы казаки и после всего этого пойдем опять на поводу у „единой неделимой"? Нет, довольно! Теперь казаков уже не заставят лезть в московскую петлю; те времена прошли и не вернутся. Теперь казаки хорошо понимают, что им нужно и какое им нужно управление. Весь их смысл, вся их мечта — быть самостоятельными хозяевами своей Земли и своих казачьих прав и в союзе с теми, кто им ближе по крови, по обычаю и желает быть с ними на равных правах и на равном положении, т. е. в союзе.

4. I. 1929. Болгария.

Старый казак Донец.

В Казачьих Землях.

Современная политическая и экономическая жизнь станицы и села Северного Кавказа.

I.

На проводимой в настоящее время перевыборной кампании в Советы очень рельефно отображается политическая жизнь станицы и села нашего Края, их отношение к советской власти и взаимоотношения различных групп населения.

Уже первые недели перевыборной кампании показали, что антисоветские элементы станицы проявляют большую активность, быстро ориентируются, умело приспособляются к обстановке. Методы и формы борьбы „кулачества" весьма разнообразны. Часть „кулачества" всячески стремится получить избирательные права и для этого временно свертывает торговлю, оккупатно вносит большие налоги, собирает одобрительные приговоры. Другие „кулаки" „подкупают" „советских бедняков" бесплатной раздачей хлеба, обещаниями дать бесплатно в прокат сельско-хозяйственный инвентарь, распространяют вредные большевикам слухи и т. п.; ведут агитацию или против выборов в советы батраков-коммунистов и бедняков, или за выборы только коммунистических батраков и бедняков, дабы „середняк отвернулся от союза с советской беднотой", предлагают вносить в наказы невыполнимые, с большевизмской точки зрения пункты и пр. Текущие хозяйственные затруднения, голод на товары, недочеты в работе советского и кооперативного аппарата, — все это служит большой пищей для антисоветской агитации.

Но было бы ошибочно считать, что только этими мерами антибольшевистские слои борются против советской власти. В целом ряде мест они прибегают и к мерам физического воздействия. За последнее время имеем ряд убийств, ряд покушений на убийство активных коммунистов. „Кулачество" поджигает дома советских общественников, калечит их скот, но особенную ярость вызывают колхозы. Здесь единым фронтом выступают все слои, противобольшевицки настроенные, причем искусно используют самих советских работников.

Большая активность сельского населения на нынешних выборах объясняется тем, что в последнее время экономическая политика советской власти направлена всецело против него. Установка на принудительную „социализацию" станицы и села при помощи

разорения индивидуальных хозяйств и насаждение советских колхозов и совхозов — вызывает острое недовольство у населения, которое, по замечанию самого Калинина, „меньше всего думает о построении социализма". Выборы же, нужно заметить, проходят под лозунгом „социализации деревни". На политику социалистического переустройства население реагирует своими способами. (См. В. К. № 28).

Искусственное расслоение станицы на кулаков, подкулачников, зажиточных, верхушечных середняков, просто середняков, бедноту, батраков большевикам не удастся. Земледельцы, представители различного калибра мелких индивидуальных хозяйств, объединились, чувствуя, что против них направлено острое „социалистическое" переустройство станицы. Теперь, в противоположность прошлых лет, население смелее критикует деятельность местных властей, часто косвенно, а иногда и прямо, разбирает деятельность центральной власти (смотри В. К. № 26). На собраниях прибегают и к подтасовкам речей „вождей партии", придавая обратный смысл речи; так, на собрании ст. Бессергеевской (Дон) М. Дуборов уверяет, что „тов. Сталин говорил, что от коллективов один убыток. Мы середняки, как говорит тов. Сталин, основной фундамент. А что мы имеем! — один носок в сапоге, а след босой!" Сплошь и рядом отмечается противодействие расслоению станицы: „Никаких групп.. Ныне все равны" — вот те, лозунги, которые гуляют, сообщает „Правда" и тут же с большим ожесточением нападает на кубанца Уманской станицы Студеника, который, числясь „советским бедняком", предлагает на собрании обложить и советские элементы „а то другие гnevаются. Да и программа партии стремится в конечном уничтожить все группы и классы".

Крайне резкое осуждение на собраниях вызвал вопрос с колхозами и совхозами, для создания которых власть берет средства у частных хозяйств, разоряя последние.

Большинство выступавших на собраниях особенно указывают на те злоупотребления, которые производятся в области самообложения — средства, должностные итти на неотложные местные нужды, отбираются финансы органами и тратятся на нужды ничего общего не имеющие с нуждами станицы.

Даже при объезде станиц Дона и Кубани товарищем председателя Совнаркома Р. С. Ф. С. Р. Рыскиным станичники не стеснялись указывать на губительную по-

литуку соввласти по отношению сельского населения и на жестокий централизм.

Необходимо отметить, что по всем вопросам казаки и крестьяне выступают заодно. Очутившись под одним „московским солннышом“, которое одинаково принесло им холод и поставило их в одинаково скверное положение. Взаимно поняли ошибки прошлого, и здесь ключ к взаимному пониманию. Насколько усилилось в последнее время взаимное тяготение, что большевики особенно сильно встревожены „смычкой казачества с инородными“.

Полномочный представитель Г. П. У. на Сев. Кавказе Евдокимов в своем выступлении на IV пленуме Краевого Исполн. комитета особое внимание своих коллег на... „... я хотел остановиться на одном важном вопросе. Верхушечная прослойка в станицах пытается выбрать лозунг общеказачьего блока с инородными. Это тоже, что называется „погудка на старый лад“. Кулачье старается противопоставить казака советской власти. На вопросе о привлечении казака к избирательной кампании следует заострить внимание и разоблачать все провокационные способы и приемы враждебных нам слоев. Для нас совершенно ясно, что разницы между кулаком-горцем, казаком инородным никакой сейчас нет. Все они одинаково находясь во власти звериной ненависти к стране пролетарской диктатуры, все они „одним миром мазаны“... Все наши усилия должны быть направлены на решение этой важнейшей задачи... Теперь и крестьяне одинаково сознают, что враг у них общий, принесяши насилие как одним так и другим.

Одна из корреспонденток московских газет, побывавшая на Север. Кавказе, говорит, что „там каждая частица воздуха накалена страшным потенциалом какого-то зловещего будущего... ожидают каких-то своих“...

Конечно, вряд ли удастся занять местному антисоветскому насилию низовые аппараты, ибо „приняты все меры“ против этого: проверка избирательных комиссий, чистка избирательных и кандидатских списков, административный нажим, отмена выборов и т. п.

Но если бы и добилось население овладения низового аппарата, оно, несомненно, немного бы вздохнуло, но воочию еще больше увидело бы что все творится и делается в центре неизбежно необходимо коренного изменения национальных и экономических отношений.

Но всетаки очень чутко для коммунистов штурмует население Советы. Советская печать полна жалоб, обширных статей, криков и призывов с тем чтобы обеспечить беспреквально господство советов — призывают „улучшить избирательную систему“.

Там же, где нельзя было нанести удар большевикам, применялся метод бойкота. Собрания срываются под самыми разнообразными предлогами: то праздников, то свадеб, то общественных пооек. На 20 декабря по двум округам Терскому и Сальскому подсчитано 59 случаев срыва собраний; вследствие слабой явки избирателей или неявки докладчиков (!).

Даже гор. Таганрог — один из промышленных центров явил пример исключительного бойкота. На отчетное собрание в клубе Демьяна Бедного явилось два (!) процента избирателей, на вторичное собрание из 4600 избирателей явилось 300 человек.

Бюджет Сев. Кавказ. Края на 1929 год.

По докладу специальной комиссии, обследовавшей финансовую работу в Крае, Совнарком РСФСР констатировал серьезное расстройство местных финансов Края, угрожающее развитию хозяйства.

Главнейшие причины этого: несоответствие объема осуществляемых мероприятий реальным возможностям местного бюджета, тек сумм в общесоюзное строительство в ущерб краевого, недостаточная финансовая дисциплина, не полное снижение административно-управленческих расходов, чрезвычайно слабое привлечение советской общественности и крестьянских масс к про-

ведению основных финансовых мероприятий, а также отсутствие контроля за результатом этих мероприятий и т. д.

К этой оценке причин расстройства финансов края можно еще прибавить, что наприм. бюджет края 1927/28 г. сведен с дефицитом в 15 мил. рублей. Этот дефицит центр отказался покрыть, хотя им из Края в течении этого года было выкачано 263,300 мил. рублей под видом различных налогов, хлебозаготовок, займов, обложений, обязательных страхований и т. п.

Вместе с переданными с общего государственного бюджета учреждениями бюджет Края составлен в сумме 135, 803 тыс. рублей.

Прирост доходов, в сравнении с прошлым годом на бумаге выражается в 20 мил. руб. Эти средства направляются на нужды сельского хозяйства (3¹/₂ мил. р.), народн. образования (2¹/₂ мил. руб.).

Необходимо отметить, что на сельхозрайство Края из бюджета отпускается всего 7,3%. Советы думают этой подачкой улучшить сельское хозяйство Края!..

Из Екатеринодара.

(Из письма).

... Мне очень было приятно слышать, что в вашей такой культурной стране нет преследования религии и поддерживают такие невинные традиции, как елки. Разве это не прелесть — на площади разукрашенная лампами елка и возможность принести лепту на радость неимушей детворы.

А у нас это даже запрещается, а вот поминать на улицах, перекрестках, базарах и т. п. „мать“, на всякие мотивы и допускать в собраниях выражения „остаться без штанов, ср...“ и т. п. допускается.

Когда то говорила и опять повторю — как я рада, что по своему возрасту не принимаю участия в жизни и как мне жаль тех, кто страдает от этого всеобщего опошления.

Думаю, что вы там не отрелись от веры, как многие недоумки здесь, не умеющие и свиней накормить. Как это омерзительно слушать, уж добро бы на основании науки отрицали.

Между прочим коснусь церквей.

Все церкви и соборы в городе, за исключением бывшей миссионерской и Георгиевского монастыря — „живые“, а те — тихоновские. Я живу близко и хожу чаще всего в Екатерининский собор, где богослужение торжественное и с прекрасными певчими. Там часто служит митрополит Михаил, прежде звали их архиереями (был младший у Иоанна, который умер при мне же), а теперь, как в войну полковников, наплодилось митрополитов.

Служит он и в войсковом Александровском соборе, что на Красной ул., но редко. Живет же сейчас при сторожке Екатер. собора, ибо обложили такой платой, как духовное лицо, что квартиры не может оплачивать.

Церкви наши страшно обеднели; раза два уже поднимался разговор о закрытии войскового собора, который тоже не в состоянии оплачивать налогов и очень задолжался, говорят будет в нем какой то клуб, кажется адыгейский (черкесский), т. к. здание б. реального, напротив, тоже занято ими.

Из крепостной церкви (что на месте запорожского собора была) давно уже сделали комсомольский клуб, а из церкви на углу Гоголевской и Пластуновской — питьевое заведение.

Это мне было тем более обидно, что дети мои принимали в ней большое участие. По той же причине я питаю большое расположение к Екатерининскому собору, в котором левый придел оборудован иконостасом и утварью из церкви реального училища, а правый — мариинского института, в которых учились мои дети.

Церкви эти давно уж упразднены...

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 1.

Вышла из печати книжка

И. А. БИЛОГО

„КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ“

Отдельный оттиск исправленных статей из номеров 19—23
журнала „В. К.“, с приложением таблиц и карты Земель
Европейского Казачества.

Ограниченное количество экземпляров поступило в продажу.

Цена 5 к. ч.

Обращаться в редакцию „Вольного Казачества“.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 2.

Готовится к печати книга

И. Ф. БЫКАДОРОВА

I. Историческая жизнь на Востоке Европы и происхождение Казачества.

II. Образование вольных казачьих республик (Донского, Волжского, Яицкого
и Терско-Гребенского Войск), и основы их существования в период государственной
независимости (до 1671 года).

Открыта подписка на 1929 год

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“ ≡ Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редкция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0,75 зл.,
в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других
странах — 15 ам. ц.